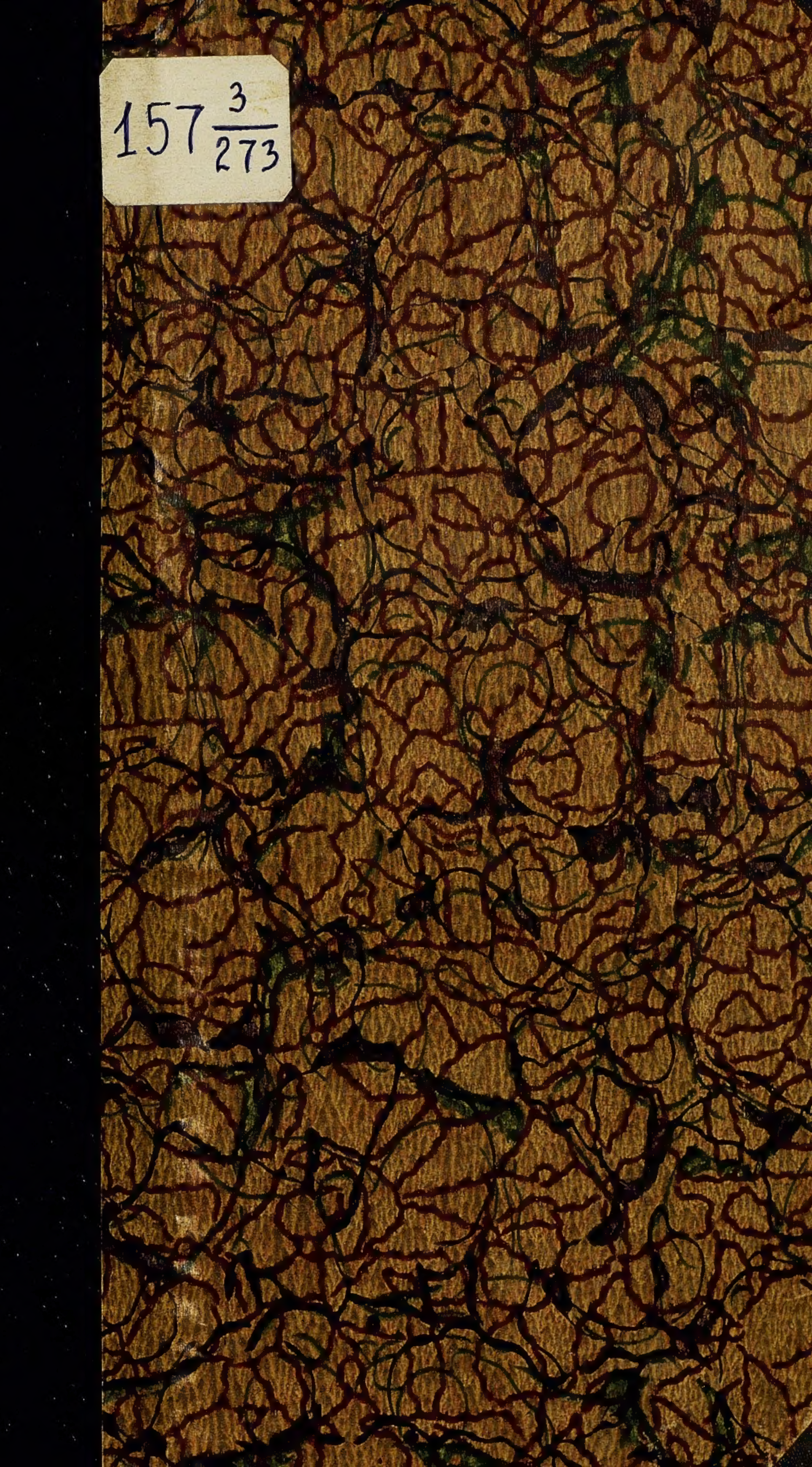

О. А. ВАРЕНЦОВА

СЕВЕРНЫЙ РАБОЧИЙ СОЮЗ

1900—1903

«ОСНОВА»

О. А. ВАРЕНЦОВА

СЕВЕРНЫЙ РАБОЧИЙ СОЮЗ

(1900—1903)

„ОСНОВА“
Иваново-Вознесенск
1925

Напечатано в типо-литографии «Красный Октябрь» Книгоиздательского Товарищества «Основа» в Иваново-Вознесенске.
Ив.-Возн. Гублит № 186. Тираж 3000 экз.

ВВЕДЕНИЕ.

Возникновение Северного Рабочего Союза или Северного Союза Р. С.-Д. Р. П. тесно связано с общим состоянием нашей партии, с той борьбой веяний и течений, которая происходила в партийных рядах в начале 1900 года. Для выяснения вопроса—как и почему возник Северный Союз, необходимо напомнить, что из себя представляла наша партия в то время.

За период 1898—1900 т.г. партия пережила тяжелую полосу полного идейного разброда и организационного распыления, теоретической растерянности и политической раздробленности.

Попытка к восстановлению единства партии, сделанная инициаторами первого с'езда в начале 1898 года, закончилась разгромом не только избранного на с'езде Центрального Комитета, но и крупных организаций, принимавших участие в его подготовке.

Скоро в партии наметился явный и определенный уклон от революционного пути, указанного «Группой Освобождения Труда» и подтвержденного манифестом первого с'езда, в сторону чистого профессионализма, оппортунизма. Наши легальные марксисты Струве, Туган-Барановский и другие всецело оказались во власти бернштейнианской критики, подкапываясь вслед за Бернштейном под самые основы революционного марксизма, доказывая несостоятельность материалистического понимания истории, диалектического метода, теории стоимости Маркса.

Критики Маркса утверждали, что классовые противоречия с ходом экономического развития притупляются, а не обостряются, социально-экономическое неравенство между имущими и неимущими постепенно уменьшается и наконец совсем исчезнет. Капитализм настолько гибок, что сумеет урегулировать производство, устраняя перепроизводство. Мировое хозяйство гарантировано на будущее время от таких глубоких потрясений, как мировые промышленные кризисы. Капитализм постепенно перерождается в социализм. Человечество вступает не в эпоху классовых битв, диктатуры пролетариата

и социальной революции, а в эпоху мирного безболезненного развития, социального мира и сотрудничества классов. В нашей нелегальной литературе берштейнианские идеи не только не находили должного отпора, наоборот, большинство наших руководящих партийных органов несомненно находилось под их влиянием. Правда, Плеханов один из первых поднял знамя борьбы против бернштейнианства, но он сначала вел ее в западно-европейской литературе.

В 1898-1899 г.г. наиболее влиятельным течением в партии был экономизм, нашедший себе яркое выражение в нелегальной «Рабочей Мысли», органе «Петербургского Союза Борьбы за освобождение рабочего класса».

Экономисты урезывали задачи революционной социал-демократии или, вернее, подменивали их задачами профессиональной борьбы рабочих за свои ближайшие повседневные интересы, сосредоточивая на них все внимание и всю наблюдательность рабочих. Они были узкими практиками и принижали задачи партии. Убежденные в том, что «копейка на рубль ближе и дороже рабочим, чем всякий социализм и всякая политика», и что рабочие должны вести борьбу, зная, что они борются не для каких-то будущих поколений, а для себя и своих детей, экономисты считали возможным выдвигать только те требования, которые уже поняты, осознаны широкими рабочими массами. Задачи марксистов в рабочем движении они сводили исключительно к выяснению и суммированию уже вполне назревших в рабочей массе требований и стремлений. «Рабочая Мысль» писала, что «желательна та борьба, которая возможна, а возможна та, которая идет в данную минуту» («Рабочая Мысль» № 1), ярко выражая этим свое преклонение перед стихийностью и свой безграничный оппортунизм. Такая тактика превращала социал-демократию из партии, «всегда стремящейся вперед», в партию, плетущуюся в хвосте рабочего движения.

Экономисты допускали возможность улучшения положения рабочего класса и частичного завоевания последним политических прав в рамках самодержавного строя, снимая с очереди вопрос о революционной борьбе за низвержение самодержавия и отодвигая его в туманную даль.

Смешение задач социал-демократической и профессиональной борьбы отразилось и на организационных взглядах экономистов, стремившихся приспособить организацию к обслуживанию, главным образом, стачечной борьбы созданием рабочих касс, обществ взаимопомощи.

«Союз Русских Социал-демократов» за границей издавал общерусский орган «Рабочее Дело», наиболее рельефно выражавший теоретические шатания и блуждания этого периода (1898—1900 гг.). Рабочеделенцы не были такими последовательными и решительными экономистами, как руководители «Ра-

бочей Мысли». Но они взяли экономическое направление под свою защиту, считая его вполне закономерным на известной стадии рабочего движения. Рабочеделенцы так же, как и экономисты, смешивали социал-демократическую политику с тред-юнионистской, выдвигая на первый план экономическую борьбу.

«Рабочее Дело» оставляло в стороне теоретические вопросы, не дооценивая важности и необходимости революционной теории для классовой борьбы. Оно не заняло определенной позиции по отношению к бернштейнианской критике и нашим легальным критикам. Из неправильного понимания роли идеологии в рабочем движении вытекало и преклонение «Рабочего Дела» перед «стихийностью», «боязнь преуменьшения стихийного элемента в движении» за счет сознательного. «Рабочее Дело» стремилось примирить и об'единить все течения в нашей партии, доходя до полной беспринципности. Теоретическая растерянность, умаление роли социал-демократии в рабочем движении и ограничение ее политических задач отражались и на организационной работе, отличавшейся крайней примитивностью. Это был период процветания кустарничества. В организационной области наблюдалась печальная картина раздробленности местных деятелей. Всецело поглощенные местной текущей работой, они мало думали об общерусской работе. Местная печать была поставлена крайне неудовлетворительно. «Рост и развитие рабочего движения,—пишет один корреспондент «Рабочего Дела»,—опережает рост и развитие революционных организаций». Партия не имела тогда ни руководящего партийного органа, который проводил бы принципиально выдержанную политическую линию, ни организационного центра, об'единяющего и направляющего деятельность местных организаций.

В 1899 году появилось пресловутое «Credo» (символ веры), принадлежащее перу Е. Кусковой. Этот документ представляет яркое и законченное выражение оппортунистического течения. Анализируя развитие западно-европейской социал-демократии, автор указывает на тот резкий поворот, который наблюдается в ее практической деятельности за последние годы: партия коренным образом изменила свое непримиримое отношение к обществу и к оппозиционным партиям. «Марксизм нетерпимый, марксизм отрицающий, марксизм примитивный,—пишет автор «Credo»,—уступает место марксизму демократическому». «Партия признает общество, и ее стремление к захвату власти преобразуется в стремление к изменению, к реформированию современного общества в демократическом направлении».

Переходя к оценке роли социал-демократии в России, «Credo» подчеркивает, что рабочий класс в России еще не создал никаких форм движения, что нелегальные организации

с количественной точки зрения не заслуживают внимания и при настоящих условиях бесполезны.

Если наши экономисты и рабочеделенцы постепенно, незаметно, стихийным путем подменивали задачи революционной социал-демократической борьбы задачами чисто профессиональными, то «Credo» этот вопрос ставило прямо и открыто, стремясь теоретически обосновать деятельность наших практиков. Рабочий класс должен вести как класс, утверждает «Credo», только экономическую борьбу за свои ближайшие непосредственные нужды и без всяких притязаний вести самостоятельную борьбу за политическую свободу. Для руководства политической борьбой он слишком слаб, мало подготовлен; она ему не по силам. Политическая борьба есть дело общества, то-есть имущих и образованных классов. Прямая обязанность марксистов и пролетариата поддерживать их в этой борьбе. «Бесполезно и нелепо,—пишет Кускова,—вести разговоры о самостоятельной политической рабочей партии». Подобные разговоры суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву. Автор «Credo» считает нелепостью толковать рабочей массе в России об уничтожении капитализма, о социализме, о свержении самодержавия.

Итак, «Credo» посягало на самое существование революционной социал-домекратии, отрицая возможность и необходимость организации самостоятельной политической партии, которая вела бы борьбу за низвержение самодержавия и за социализм. Торжество идей «Credo» в партии неизбежно привело бы ее к отказу от революционных задач и революционных методов борьбы, подчиняя социал-демократию идейному и политическому руководству буржуазии и превращая ее из революционной партии в партию мирных культуртрегеров.

В «Союзе Русских Социал-демократов» за границей с появлением «Credo» трения и разногласия усилились. На критические замечания Плеханова и Аксельрода о «Credo», редакция «Рабочего Дела» дала уклончивый ответ, что «Credo» выражает взгляды отдельных товарищей, а не является определившимся течением.

«Credo», циркулировавшее в ссыльных колониях, вызвало большую тревогу среди марксистов за судьбу дальнейшего развития нашей партии, переживавшей чрезвычайно критический момент.

Первый решительный протест против «Credo», так называемый протест 17, появился из глубины Сибири. Он был написан товарищем Лениным и принят собранием ссыльных в селе Ермаковском Минусинского уезда [1]). Протест 17 подвергает беспощадной критике систему воззрений «Credo», считая ее искажением принципов марксизма, фальсифицированным

[1]) Лепешинский, «На повороте».

марксизмом и указывая, что для Российской социал-демократии ближайшей задачей является свержение самодержавия, завоевание политической свободы. Протест 17 об'являл решительную войну всему кругу идей, нашедших себе выражение в «Credo», предостерегая всех товарищей от грозящей партии опасности уклониться от разрешения очередных исторических задач.

Протест 17 вместе с «Credo» и другими документами (Письма Г, NN и другие), устанавливающими наличность оппортунистического течения в партии, был издан Плехановым в виде отдельного сборника под названием «Vademecum» («Путеводитель») для редакции «Рабочего Дела». «Vademecum с предисловием Плеханова, написанным в резко полемическом тоне, и послужил сигналом к открытой борьбе между «Группой Освобождения Труда» и редакцией «Рабочего Дела». Женевский с'езд заграничных социал-демократов, созванный союзом в апреле 1900 года, кончился расколом. Меньшинство [1]), с «Группой Освобождения Труда» во главе, покинуло с'езд, когда большинство последнего отказалось обсуждать вопрос о бернштейнианстве и подтвердить манифест I с'езда, и образовало «Революционную Организацию Социал-Демократ», которая ставила основной своей задачей пропаганду революционного марксизма и борьбу с ревизионизмом.

Таким образом принципиальные разногласия были закреплены организационно. На Международном социалистическом конгрессе в Париже в августе 1900 года русская делегация уже выступала двумя группами: большинство, руководимое «Рабочим Делом», по вопросу о вхождении социалистов в буржуазное министерство голосовало за компромиссную резолюцию Каутского, а меньшинство с Плехановым во главе присоединилось к непримиримой резолюции Жюля Геда.

Теоретическая разноголосица и путаница, политическая и организационная раздробленность обессиливали партию, умаляли роль и значение социал-демократии в нашем рабочем движении. Между тем Россия переживала чрезвычайно важный момент. Рабочее движение росло с неудержимой силой и расшатывало устои самодержавного строя. Рабочие уже поднимались на политическую борьбу. 1899 и 1900 гг. ознаменовались первомайскими демонстрациями во многих городах. Под влиянием пролетарской борьбы выходили из оцепенения и пробуждались к политической жизни демократические элементы общества (студенческие беспорядки), стали возрождаться старые народовольческие группы. Наступали первые дни политической весны. Чувствовалось приближение революционной бури. Условия момента властно требовали от партии принципиально выдержанной политической линии и строго центра-

---

[1]) Д. Кольцов, Л. Ортодокс — Аксельрод, Г. Гольденберг, Г. Линдов и другие.

лизованной организации, способной руководить общенародной борьбой за низвержение самодержавия.

За ликвидацию этого периода теоретических блужданий и организационного кустарничества, за восстановление единства партии и углубление ее теоретической работы очень энергично взялся только что вернувшийся из ссылки товарищ Ленин вместе с Мартовым, Потресовым и другими. Эти задачи были блестяще выполнены ими. Тотчас, по возвращении из ссылки, не теряя времени, они начали мобилизовать левые элементы партии, об'езжая города, вступая в сношения со своими единомышленниками, стремясь об'единить их для партийной работы в общерусском масштабе и для идейного завоевания местных организаций. Скоро эта группа имела уже в Уфе, Самаре, Москве, Пскове, Смоленске, Полтаве, Киеве, Кременчуге и других городах своих представителей, агентов. Так было положено начало организации «Искры».

Необходимость об'единения партии живо сознавалась партийными работниками. Вопрос заключался в том, с чего начать и как вести дело этого об'единения.

Весной 1900 года заграничным «Союзом Русских Социал-демократов» была сделана попытка созвать II с'езд партии, но она кончилась неудачей. Делегат союза Теплов, об'езжавший с этой целью местные организации, был арестован. Многие организации в то же время подверглись разгрому, особенно на юге. Жандармскими ударами с'езд был сорван. Тов. Ленин, как очередную и неотложную задачу момента, выдвигал план организации вокруг общерусской политической газеты посредством совместной работы над нею. Он доказывал, что для руководства движением необходима общерусская газета, которая, освещая с марксистской точки зрения все стороны политической жизни, «все попытки протеста и борьбы различных классов и по различным поводам, суммируя и обобщая все проблески движения и активной борьбы, обогащая опыт отдельных работников и местных организаций», сыграла бы роль не только коллективного пропагандиста и агитатора, но и коллективного организатора. «Вокруг газеты на работе для газеты собралась и об'единилась бы партийная публика».

Программа новой газеты, получившей название «Искры», была выработана в мае 1900 г. на совещании в Пскове, куда с'ехались тов. Ленин, Мартов, Потресов, С. и Л. Радченко.

В об'явлении о выходе в свет газеты «Искра» редакция дает характеристику переживаемого момента, намечая путь дальнейшего развития партии и подчеркивая те задачи, которые должен разрешить новый орган.

«Мы переживаем крайне важный момент в истории русского рабочего движения и русской социал-демократии,—писала ред. «Искры» в об'явлении об издании газеты.—Последние

годы характеризуются поразительно быстрым распространением социал-демократических идей среди нашей интеллигенции, а навстречу этому течению общественной мысли идет самостоятельно возникшее движение промышлен. пролетариата, который начинает об'единяться и бороться против своих угнетателей, начинает с жадностью стремиться к социализму. Но главная черта нашего движения, которая особенно бросается в глаза в последнее время—его разобщенность, его, так сказать, кустарнический характер. Местные кружки возникают и действуют независимо друг от друга и даже (что особенно важно) независимо от кружков, действовавших и действующих в тех же центрах: не устанавливается традиций, нет преемственности, а местная литература всецело отражает раздробленность и отсутствие связи с тем, что уже создано русской социал-демократией. Несоответственность этой раздробленности с запросами, выдвигаемыми силой и широтой движения, создает, по нашему мнению, критический момент в его развитии. В самом движении с неудержимой силой сказывается потребность упрочиться и выработать определенную физиономию и организацию, а между тем в среде практически действующих социал-демократов необходимость такого перехода к высшей форме движения сознается далеко не везде. В широких кругах наблюдается, наоборот, шатание мысли, увлечение модной критикой марксизма и так называемого экономического направления и— в неразрывной связи с этим—стремление задержать движение на его низшей стадии, стремление отодвинуть на второй план задачу образования революционной партии, ведущей борьбу во главе всего народа. Узкий практицизм, оторванный от теоретического движения, грозит совратить движение на ложную дорогу»...

Переходя к вопросу о методах сплочения партии, редакция пишет: «Создать и упрочить партию, значит создать и упрочить об'единение русских социал-демократов. Такое об'единение декретировать нельзя, его нельзя вести по одному только решению какого-либо, скажем, собрания представителей, его необходимо выработать. Необходимо выработать, во-первых, прочное идейное об'единение, исключающее ту разноголосицу и путаницу, которая, будем откровенны, царит среди русских социал-демократов в настоящее время: необходимо закрепить это об'единение партийной программой; необходимо, во-вторых, выработать организацию, специально посвященную сношениям между всеми центрами движения, доставке полных и своевременных сведений о движении и правильному снабжению периодической прессой всех концов России. Только тогда, когда выработается такая организация, когда будет организована русская социал-демократическая почта, партия получит прочное существование и станет реальным фактом, а следовательно, могущественной силой»...

«Прежде чем об'единяться и для того, чтобы об'единиться, мы должны решительно и определенно размежеваться. Иначе наше об'единение было бы лишь фикцией, прикрывающей существующий разброд. Мы не намерены сделать наш орган пустым складом разнообразных воззрений»...

Но значение газеты для практического об'единения не менее важно. «По мере сил мы будем стремиться к тому,—заявляет редакция,—чтобы все русские товарищи смотрели на наше издание, как на свой орган, в который каждая группа сообщала бы все сведения о движении, с которым она делилась бы своим опытом, своими взглядами, своими запросами на литературу, своей оценкой социал-демократических изданий, делилась бы, одним словом, всем, что она вносит в движение и что она выносит из него. Только при таких условиях возможно будет создание действительно общерусского социал-демократического органа, а с другой стороны только такой орган способен вывести движение на широкий путь политической борьбы».

Осенью 1900 года между «Группой Освобождения Труда» и Лениным и Потресовым, переселившимися за границу, состоялось соглашение, в силу которого газета «Искра» и журнал «Заря», предназначавшийся для теоретической пропаганды ортодоксального марксизма, должны были выходить, как общее предприятие. При содействии германских социал-демократов—Клары Цеткин, Дитца, Лемана и других—была поставлена тайная типография, в которой печаталась «Искра», сначала в Штуттарте, а потом в Мюнхене. Первый номер ее вышел в декабре 1900 года. Появление в свет «Искры» было событием в партии. Газета с первых номеров взяла боевой тон, повела упорную борьбу с реформизмом, экономизмом, беспринципностью рабочеделенцев, выдвигая как центральную политическую задачу—борьбу за низвержение царизма и указывая на необходимость централизации в организационной области. Новый орган скоро нашел живой отклик со стороны местных организаций, но встретил резкую оппозицию со стороны рабочеделенцев, которые усмотрели в нем крайнее проявление доктринерства, литературщины, уменьшение роли стихийного элемента в рабочем движении, отрыв от серой текущей борьбы рабочего класса. Особенно им не нравился принцип организационного централизма. Между искровцами и рабочеделенцами началась открытая борьба, увлекшая местные организации, которые на почве этой борьбы стали раскалываться.

Борьба искровцев с рабочеделенцами продолжалась до конца 1901 г. и закончилась полным торжеством первых. Собравшиеся под знаменем «Искры» наши самые крупные теоретики и практики вступили в решительный бой с антиреволюционными тенденциями в нашем движении и одержали блестящую победу, завоевав идейно и организационно местные организации. «Искра» скоро сделалась их руководящим

идейным и организационным центром, подготовив II с'езд партии. Несмотря на раскол, происшедший после II с'езда среди искровцев и явный уклон значительной части их—Мартова, Потресова, Аксельрода, Засулич и других снова к экономизму, российский пролетариат, руководимый социал-демократией, сыграл в революции 1905—1906 г.г. именно ту роль, которая ему была указана в программе редакции «Искры»—роль авангарда революции. В этой обстановке идейной борьбы и зародился Северный Союз.

I. Как возник «Северный Рабочий Союз»

(или «Северный Союз» Р. С.-Д. Р. П.).

«Северный Рабочий Союз»—социал-демократическая организация, ставившая себе целью руководить рабочим движением в соседних губерниях—Владимирской, Костромской, Ярославской. В Союз входили: Ярославский, Костромской, Иваново-Вознесенский с.-д. Комитеты и Владимирская группа.

Инициатива создания Союза принадлежала очень небольшой группе товарищей, тесно связанных по партийной работе с Иваново-Вознесенском и Ярославлем, волею судеб заброшенных в Воронеж и встретившихся здесь летом 1900 года. Инициаторами образования союза были: В. А. Носков, пишущая эти строки, студент Демидовского Лицея Доливо-Добровольский и бывший иваново-вознесенский рабочий Михаил Александрович Багаев [1]). Они проявляли живейший интерес к промышленному северу, считая его серьезнейшим центром пролетарского движения, и верили в возможность широко развернуть там партийную работу.

В. А. Носков, будучи еще учеником Иваново-Вознесенского реального училища, имел связи с местной организацией, оказывая ей различные услуги. Поступив в Питерский Технологический Институт, он поддерживал сношения с иваново-вознесенскими товарищами, снабжая их нелегальной литературой. Арестованный в 1898 году по питерскому и иваново-вознесенскому делу, В. А. Носков после непродолжительного тюремного заключения был освобожден и до приговора выслан на родину в Ярославль. Здесь он делает попытку создать социал-демократическую организацию. При содействии двух рабочих Семенухина и Короткова, вызванных из Питера, ему удается организовать кружок на самой крупной фабрике Ярославской Большой Мануфактуры. К работе были привлечены студенты Демидовского Лицея Доливо-Добровольский и Василий Леопольдович Горн. К сожалению, кружок скоро провалился. Носков, Горн и группа рабочих были арестованы,

[1]) М. А. Багаев принадлежал к первому Иваново-Вознесенскому кружку 1893—1894 г.г.

но скоро освобождены и из Ярославля высланы. Носков и Горн направились в Воронеж, где в то время (1899 г.) состоял под гласным надзором Ф. И. Щеколдин, привлекавшийся в 1898 г. по иваново-вознесенскому делу, старый знакомый Носкова.

У меня в половине января 1900 года кончался срок ссылки в г. Бирске Уфимской губернии, куда я была выслана по иваново-вознесенскому делу 1897 года. Я предполагала немедленно по освобождении направиться в Иваново-Вознесенск, куда меня звали иваново-вознесенские товарищи, жалуясь на недостаток партийных работников. Но мечты оказались тщетными. Освободили меня с ограничением 22 губерний для жительства, в том числе значилась не только Владимирская, но и Уфимская губерния, где я отбывала ссылку. Я перебралась в Уфу, рассчитывая прожить здесь месяц—другой, чтобы списаться с товарищами и выбрать город. Уфа была тогда оживленным городом: она лежала на большой дороге из Европейской России в Сибирь. Через нее проходили партии политических ссыльных в далекую Сибирь. Здесь останавливались товарищи, возвращавшиеся из ссылки. Так, в феврале 1900 г. через Уфу проезжали из ссылки т. Ленин и Мартов, присутствовавшие на собрании ссыльной колонии у старого чернопеределенца О. В. Аптекмана.

На крупных заводах Уфимской губернии стала понемногу налаживаться партийная работа (Златоустинский уезд). Но уфимская администрация не оставила меня в покое. Недели через 3 после переселения из Бирска меня вызывают в полицейское управление и пред'являют предписание в трехдневный срок оставить пределы губернии под угрозой высылки этапом в случае невыполнения. Пришлось снова подниматься с места. Я как раз в это время получила письмо от своего старого знакомого Сергея Павловича Шестернина из Боброва Воронежской губернии (где он состоял городским судьей), переведенного за политическую неблагонадежность из Иваново-Вознесенска сначала в Ефремов Тульской губ., а потом в Бобров. Он предлагал мне перебраться в Воронеж, сообщая, что там находятся несколько иваново-вознесенцев. Полиция в значительной мере уже надоела мне своими напоминаниями и требованиями о выезде. Я последовала совету С. П. Шестернина, направилась в Воронеж, предварительно заехав в Бобров, где мне дали адрес Юлии Петровны Махновец, сестры Акимова (Махновца) одного из редакторов «Рабочего Дела».

Вокруг семьи Махновцев, состоявшей тогда из матери и двух сестер—Юлии и Людмилы Петровны,—группировалась вся политически-неблагонадежная воронежская публика. Здесь можно было встретить не только социал-демократов, но и старых народовольцев, народников. Семья отличалась раду-

шием, гостеприимством. У Махновцев я познакомилась с В. Л. Горн, Анной Алексеевной Кардышевой, Алексеем Ивановичем Любимовым, Львом Яковлевичем Карповым. Последние привлекались по московскому делу и состояли под особым надзором полиции в ожидании приговора.

В Воронеж я приехала в самый разгар борьбы между «Группой Освобождения Труда» и рабочеделенцами. Отголоски этой борьбы докатились и до Воронежа. Ю. П. Махновец только что вернулась из Женевы, где в апреле был созван с'езд Союза Русских Социал-демократов, закончившийся расколом. Она оказалась ярой поборницей «Рабочего Дела» и сейчас же по возвращении повела агитацию в этом направлении. В ближайшее по приезде воскресенье (в мае) созвала собрание, на котором присутствовали не только социал-демократы, но и народовольцы. Из Боброва был вызван Шестернин, из Курска Чернышев *). Собралось человек 30. На трех лодках отправились по заросшему, тенистому, вонючему Воронежу и, от'ехав верст 5, высадились на берегу в кустах. Ю. П. Махновец сделала доклад о заграничном с'езде, отрицая наличность принципиальных разногласий между «Группой Освобождения Труда» и редакцией «Рабочего Дела», об'ясняя все трения и конфликты в Союзе Русских Социал-демократов неуживчивостью и диктаторскими замашками Плеханова. Доклад не вызвал оживленных прений. Собрание внимательно выслушало докладчицу, задало несколько незначительных вопросов, но никакой резолюции не вынесло, ссылаясь на недостаточность информации и необходимость выслушать и другую сторону. Из числа всех присутствующих только я одна выступила на защиту плехановской позиции. Несмотря на свое недавнее возвращение из ссылки, я была лучше осведомлена о партийных делах. Но и «Рабочее Дело» ни в ком не нашло поддержки на собрании. Это уже определяло настроение и было для меня единственным утешением.

Ю. П. Махновец мечтала о созыве совещания во всероссийском масштабе. Но мечты так и остались мечтами. Вопросы, поднятые на собрании, оживленно обсуждались (особенно социал-демократами), сделались злободневными. Прения тянулись в течение всего лета: спорили во время продолжительных прогулок в Ботанический сад, Архиерейскую рощу, катаясь на лодке. Взгляды воронежских социал-демократов стали определяться и выясняться.

В июне (1900 г.) В. А. Носков отправился на кумыс в Уфимскую губ. Я снабдила его адресами к уфимским товарищам. В Уфе он познакомился с т. Лениным и возвратился оттуда решительным сторонником организации «Искры».

*) Шестернин и Чернышев были социал-демократами.

Осенью по дороге в Тифлис в Воронеж заезжал тов. Курнатовский, подробно ознакомивший нас с планами новой организации. В результате летних прений и более основательной информации, осенью 1900 г. оформилась воронежская группа искровцев, в которую вошли: В. А. Носков, А. И. Любимов, О. А. Варенцова, Л. Я. Карпов, А. А. Кардашева, Д. В. Костеркин. Эта группа имела непосредственное отношение к образованию «Северного Рабочего Союза». В. А. Носков и я, живя в Воронеже, поддерживали тесные сношения с Ив.-Вознесенском, Ярославлем и Костромой. Обсуждая положение партийных организаций в этих городах, мы пришли к мысли о необходимости их об'единения, чтобы внести большую планомерность в партийную работу. Фактические связи между этими организациями существовали, но—только благодаря личному знакомству партийных работников, а потому имели случайный характер.

На севере *) царила полная организационная раздробленность и распыленность. По промышленным пунктам Владимирской, Костромской и Ярославской губерний были рассеяны небольшие социал-демократические кружки, жившие замкнутой, изолированной жизнью. Не связанные друг с другом и с руководящими центрами, они в большинстве случаев влачили жалкое существование. Самое происхождение их носило случайный характер. Закинет судьба в такой угол студента-марксиста или сознательного рабочего из Питера или Москвы,—и они на новом месте продолжают прерванную работу, заводя с рабочими знакомства, распространяя нелегальную литературу. Ни одной из таких организаций, взятой в отдельности, не под силу было поставить удовлетворительно технику, без которой немыслима была систематическая агитация, наладить систематические сношения, регулярное получение нелегальной литературы. О целесообразном распределении партийных сил и средств при такой постановке работы не могло быть и речи. Социал-демократические кружки во Владимирской, Костромск. и Ярославской губерниях возникают в начале 90-х годов. Но и в 1900 году еще многие крупные промышленные пункты, как, например, Кинешемский уезд Костр. губ., Александровский, Ковровский, Вязниковский (Влад. губ.) с крупнейшими текстильными фабриками были совершенно не затронуты социал-демократическим движением: туда еще не проникали ни социал-демократические прокламации, ни нелегальные брошюры. Если оценивать партийную организацию по прочности ее связей с рабочими массами и по широте ее влияния на последние, то самой сильной организацией была Иваново-Вознесенская, имевшая на всех крупных фабриках и заводах оформленные социал-демократические группы, связанные и с руководящим коллективом и с массами. Иваново-Вознесен-

*) В Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях.

ская организация поддерживала постоянные сношения через Софию Павловну Невзорову-Шестернину и Анатолия Николаевича Рябинина с Петербургским Союзом Борьбы за освобождение рабочего класса, получая от него нелегальную литературу и направляя туда свои корреспонденции. Позднее установились связи с заграничным «Союзом Русских Социал-демократов». В 1900 году иваново-вознесенские товарищи передали мандат на международный конгресс в Париже редакции «Рабочего Дела». Здесь уже установилась известная преемственность в работе. Несмотря на крупные и частные провалы, работа не прерывалась. Организация после непродолжительной заминки снова восстановлялась. За десятилетие 1894—1904 г.г. выработался немногочисленный, но стойкий и опытный рабочий авангард. Иваново-Вознесенская организация стремилась расширить сферу своего влияния и воздействия на соседние фабричные пункты—Кохму, Шую, Тейково и проч. Но и здесь партийная работа не имела того размаха и той планомерности, которые соответствовали бы столь крупному промышленному центру. Здесь в то время чувствовался острый недостаток в революционной социал-демократической интеллигенции, что крайне неблагоприятно отзывалось на постановке пропаганды и агитации. Иваново-Вознесенск был типичным фабрично-пролетарским городом, в котором доминировали два класса—капиталисты и рабочие. Так называемый третий элемент—земские служащие, статистики, врачи и прочие представители свободных профессий, из которых, главным образом, вербовались революционные деятели и сочувствующие—здесь отсутствовал. Правда, и в Иваново-Вознесенске была интеллигенция в лице многочисленного технического персонала, обслуживающего фабрики—директоров фабрик, химиков, механиков и проч. Но это была уже чисто буржуазная интеллигенция, которая не за страх, а за совесть служила капитализму и капиталистам и за 20 лет не выделила из своей среды ни одного социал-демократа, который имел бы какое-либо отношение к местной работе. За десятилетие с 1893-1903 гг. можно по пальцам перечесть социал-демократов-интеллигентов, принимавших активное участие в партийной работе. Вот эти работники: Ф. А. Кондрашев, пишущая эти строки, Анна Ивановна Хрящева, Николай Семенович Кондратьев, Ф. И. Щеколдин, Анатолий Николаевич Рябинин (работал в Кохме) и всяческое содействие и помощь оказывал городской судья Сергей Павлович Шестернин.

Иваново-Вознесенская организация всецело держалась рабочими. Но при всей своей преданности делу они не могли партийной работе уделять много времени, которое поглощалось трудом на фабрике. Не было тогда у нас профессионалов-революционеров, которые отдавали бы все свои силы и все свое время революционной деятельности и смотрели бы на нее,

как на свою основную работу. Финансовые средства организации были ничтожны и составлялись исключительно из взносов рабочих, средний месячный заработок которых колебался между 9—15 рублями.

Совершенно иная картина наблюдалась в Ярославле. Если в Иваново-Вознесенске в минувшие годы на каждом шагу всегда и везде сталкиваешься с рабочими, то Ярославль имел физиономию интеллигентского города, улицы и бульвары которого заполнялись чиновниками, земскими служащими, студентами, гимназистами. Самая большая фабрика, Ярославская Большая мануфактура, находилась за пределами города. Подавляющее большинство рабочих жило в казармах, доступ в которые посторонним был затруднен.

Рабочие в значительной мере были оторваны от города. Социал-демократическая работа здесь велась с конца 90-х годов т. т.: Стопани, В. А. Носковым, Доливо-Добровольским (1898—1900 г.г.). Но в Ярославле почти до 1905 года не удалось создать прочного партийного рабочего ядра, которое способно было бы самостоятельно вести работу, как это имело место в Иваново-Вознесенске. Но зато Ярославль был богат интеллигенцией, оппозиционно и революционно настроенной. Подавляющее большинство ее активного участия в революционном движении не принимало, но всяческое содействие и поддержку оказывало. Активных работников она выделяла немного, но сочувствующих, которых можно было использовать для разного рода услуг,—изрядное число. Эта публика не отказывалась собирать деньги, давать квартиры для явок и собраний, адреса для конспиративной переписки, что во времена подполья в высшей степени облегчало работу. Иваново-Вознесенская и Ярославская организации могли бы дополнять друг друга, обмениваясь партийными силами и средствами.

Образование «Северного Рабочего Союза» следует рассматривать как попытку ликвидировать процветавшее на промышленном севере организационное кустарничество, мешавшее организациям развернуть свои силы и распространить партийную работу на незатронутые еще движением промышленные пункты, направив туда товарищей для постановки организации. Но особенно увлекала инициаторов задача создать на севере опору для левого революционного крыла социал-демократии, для искровского течения, для борьбы с антиреволюционными тенденциями в нашей партии—с экономизмом, рабочеделенчеством. Этой последней задаче они придавали громадное значение.

Об'ективные условия для об'единения им казались благоприятными. Во Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях преобладала текстильная промышленность. Прядильщики, ткачи и ситцепечатники этого района вербовались из

местных крестьян, были еще связаны с землей и отличались низким уровнем культурного развития, но глубоко развитым чувством пролетарской солидарности, которое они особенно ярко проявляли во время стачечной борьбы, поражая своей стойкостью и упорством. Непомерный гнет социально-экономических условий давил рабочих, толкая их на борьбу. Крайне низкая заработная плата, сверхурочные работы, штрафы, произвол фабричной администрации были в одинаковой мере распространены по всему району при полном отсутствии каких-либо культурных удобств для рабочих. Все эти условия, вместе взятые, а также удобство сношений (от Ярославля до Иваново-Вознесенска—5 часов, а до Костромы 3 часа езды по железной дороге) облегчали и задачу партийного об'единения.

Воронежская группа в целом отнеслась сочувственно к плану образования «Северного Рабочего Союза» и решила работать над проведением его в жизнь. Но прикрепленные полицейским надзором к Воронежу, члены группы не могли непосредственно двинуться на север и поставили своей ближайшей задачей привлекать и направлять туда партийных работников в качестве профессионалов, гарантируя им содержание, собирая деньги, доставая паспорта и вступая в сношения с другими организациями.

Перед своим от'ездом в Воронеж (в 1900 г.) я встретилась в Уфе с Николаем Николаевичем Паниным (один из подписавшихся под протестом 17), бывшим рабочим Путиловского завода. В 1896 г. он привлекался в Питере, был выслан в Восточную Сибирь и только что возвратился из ссылки. Я ему предложила отправиться на работу в Иваново-Вознесенск. Он согласился, но почему-то застрял в Самаре. Теперь, когда наметился определенный план, я снова возобновила с ним переговоры, убеждая его двинуться на север. На этот раз он откликнулся и весной 1901 года появился в Иваново-Вознесенске. Это был первый профессионал-революционер в районе.

Летом 1900 года нами вызван был из Керчи бывший иваново-вознесенский рабочий Михаил Александрович Багаев, привлекавшийся в 1896 году по питерскому и нижегородскому делу и высланный на три года в Оренбургскую губернию, откуда он после освобождения перебрался в Керчь. Он увлекся нашим планом, выражая готовность работать над его осуществлением.

14 января 1901 года срок моих ограничений кончался. Я уже чувствовала себя вольной птицей. Мне хотелось поехать в Иваново-Вознесенск, но по конспиративным соображениям от этого пришлось отказаться: там меня хорошо знала не только организация, но и местные власти. Воронежские товарищи также решительно запротестовали против моего намерения и желания поселиться там. Воронежцы указывали на Ярославль,

как на место, более подходящее для моей работы. Они считали, что условия для будущего руководящего центра более благоприятны в Ярославле, где без труда можно будет устраивать приезжих товарищей, доставать адреса для переписки, находить квартиры для явок, для склада нелегальной литературы, для печатания листков. Кроме того, в Ярославле надо было восстановлять комитет, ликвидированный с провалом кружка Доливо-Добровольского. Я согласилась с доводами товарищей. Но прежде, чем направиться на север, совершила поездку в Уфу к Надежде Константиновне Крупской-Ульяновой, которая там заканчивала свою ссылку. Необходимо было установить прочные связи с заграницей, с редакцией «Искры», обменяться адресами, паролями, притом же я надеялась получить так долго жданный номер «Искры», вышедший в декабре 1900 года. Я приехала в Уфу в феврале 1901 года, но, к величайшему моему сожалению, номер не был получен. Наша нелегальная почта работала еще с большим запозданием. Но меня утешали тем, что газета не сегодня так завтра должна получиться. Я решила ждать. Дни летели быстро. Здесь я встретилась со старыми товарищами по ссылке, обменялись воспоминаниями о минувших днях и надеждами на лучшее будущее. Мои ожидания не оказались напрасными. Через несколько дней газета была получена, и я отправилась в путь, сопровождаемая пожеланиями товарищей «подольше продержаться, не так скоро попадаться в лапы жандармов».

Я прежде всего должна была об'ехать существующие в районе наиболее крупные организации, познакомить их с планом создания Союза и выяснить их принципиальную позицию, так как необходимым условием об'единения выдвигалось признание организационного плана «Искры» и ее политической линии вполне правильными. Решающее значение для дела об'единения имели две организации—Иваново-Вознесенская и Костромская. Сначала я поехала в Иваново-Вознесенск, где нашла правильно функционирующую организацию. Партийный Комитет был связан с рабочими группами на фабриках и заводах. Партийной работой руководила Глафира Ивановна Окулова, представительница «Искры». Небольшие трения в организации наблюдались. Очень маленькая группа рабочих, уцелевших от старых кружков, выражала недовольство переходом к широкой массовой политической агитации, повторяя утратившие всякий смысл доводы о необходимости беречь организацию, не заявлять громко о своем существовании. Но она была не влиятельна, не активна, и только ворчала.

Иваново-вознесенцы живо отозвались на об'единительный план—тем более, что они уже были подготовлены к нему. Доливо-Добровольский, работая в Ярославле в 1900 году, не раз посещал Иваново-Вознесенск и поднимал этот вопрос.

Г. И. Окулова скоро покинула Иваново-Вознесенск. Вслед за ней сюда явился Николай Николаевич Панин (партийная кличка «Гавриил Петрович»), ярый искровец, хорошо ознакомившийся с нашими планами и считавший их вполне целесообразными.

В Костроме я вела переговоры с руководителями Костромской организации Николаем Павловичем Богдановым и Иваном Платоновичем Александровым (рабочий). Они тоже отнеслись с живым интересом к плану создания «Северного Рабочего Союза», но здесь дело осложнялось. Костромские товарищи занимали примиренческую позицию. Признавая политическую линию «Искры» правильной, они считали возможным и желательным об'единение заграничных организаций, при чем подчеркивали заслуги «Союза Русских Социал-Демократов» по издательской деятельности, налаживанию транспорта. Вопрос о взаимоотношениях «Группы Освобождения Труда» и организации «Искры»—с одной стороны, и «Рабочего Дела»—с другой, находился еще в стадии обсуждения и не был решен окончательно, и мы оставили его открытым, условившись по вопросу об об'единении созвать в ближайшее время совещание из представителей социал-демократических организаций Владимирской, Костромской и Ярославской губерний.

Наконец, в начале апреля 1901 г. я приехала в Ярославль. Мне дан был в Воронеже адрес Екатерины Николаевны Новицкой, встретившей меня очень приветливо. Ярославль в общем и целом произвел на меня удручающее впечатление. Здесь не оказалось никакой организации, партийная работа совсем замерла. Даже не сохранилось связей с отдельными рабочими. Сыск был организован превосходно. Запуганные и подавленные ярославские социал-демократы довели свою осторожность и конспиративность до полного бездействия. Из кружка Доливо-Добровольского остались Анастасия Дмитриевна Бабенко, освобожденная до решения дела, и Николай Николаевич Кардашев, за которыми зорко следила полиция. Они активно себя не проявляли и не могли указать ни одного рабочего, при содействии которого можно было бы восстановить связи с фабриками. Одни из рабочих, привлекавшихся с Доливо-Добровольским, по освобождении были уволены с фабрики и покинули город, другие оставались под сомнением [1]). Организацию в Ярославле надо было не идейно завоевать, а строить заново. Я скоро убедилась, что без содействия извне восстановить ее не удастся, и обратилась за помощью в Иваново-Вознесенск. Написала Николаю Николаевичу Панину, указав на безвыходность положения, и просила прислать рабочего социал-демократа и обязательно текстильщика. Иваново-вознесенцы откликнулись и направили

---

[1]) В кружке Доливо-Добровольского были два провокатора, один из них—пристав Петров—проник под видом рабочего.

в Ярославль ткача Герасима Колесникова. Ему не без труда, но все же удалось устроиться на фабрике Ярославской Большой Мануфактуры. Колесников сразу и живо почувствовал разницу между иваново-вознесенской и ярославской фабриками. Жаловался на отсталость ярославских текстильщиков. Особенно его удручало и раздражало царившее на фабрике низкопоклонство рабочих перед фабричной администрацией. «Старой деревней веет от ярославской фабрики», заявил он мне, проработавши 3—4 дня; эта характеристика в общем была верна. Ярославские текстильщики, крепко связанные с землей, с деревней и заключавшие в своих рядах ничтожное число городского пролетариата, отличались большей патриархальностью, чем иваново-вознесенские.

Работа налаживалась медленно. Но все-таки Колесников организовал кружок на фабрике, распространял нелегальную литературу. В июле приехал по собственной инициативе другой иваново-вознесенский рабочий Анатолий Масленников, устроившийся на механическом заводе, а несколько позднее Василий Новиков, поступивший на табачную фабрику Вахромеева. Они были также привлечены к партийной работе.

В конце лета я познакомилась с Ольгой Августовной Дидрикиль (земской служащей). Она заинтересовалась делом «Северного Союза» и из'явила готовность принять активное участие в работе. Живя давно в Ярославле и имея обширный круг знакомых, она вела техническую работу и выполняла ее очень успешно: доставала адреса, квартиры для явок, конспиративных свиданий, печатания листков и необходимые материалы для печатания, что в те времена не легко было приобретать.

Е. Н. Новицкая и О. А. Дидрикиль собирали деньги для организации, главным образом, среди статистиков, распространяли среди них нелегальную литературу. «Искра» получалась тогда в значительном количестве и зачитывалась до дыр. Для пропагандистской и литературной деятельности был привлечен Е. Ф. Дюбюк. Восстановление Комитета отняло не мало времени и задержало об'единительную работу в районе.

Летом 1901 года из Керчи приехал Михаил Александрович Багаев и решил поселиться во Владимире. В самом городе фабрик не было, но вокруг него в соседних уездах—Покровском, Ковровском, Меленковском и других—находились настоящие фабричные гнезда (Орехово-Зуево, Гусь Хрустальный, Ковров и проч.), с десятками тысяч рабочих, почти не затронутых социал-демократическим движением. Были такие промышленные пункты, куда не проникала еще ни одна прокламация, ни одна нелегальная брошюра. Это обстоятельство учитывали основатели «Северного Союза» и ставили одной из ближайших и важнейших задач распространение социал-демокра-

тической работы на эти забытые места, создание в них партийных организаций. У нас тогда нехватало сил и средств, чтобы направить работников в каждый уезд. Мы считали более целесообразным, чтобы М. А. Багаев, создав опорный пункт во Владимире, вел раз'ездную работу, сосредоточив свою деятельность в уездах. Но ни у меня, ни у Багаева не было во Владимире никаких связей, без которых трудно было устроиться в незнакомом городе. Из затруднительного положения выручила Е. Н. Новицкая, у которой нашелся там хороший знакомый Александр Саввич Панкратов, занимавший место секретаря губернской земской управы. Она дала к нему рекомендательное письмо. При содействии Панкратова Багаев устроился во Владимире, познакомился со статистиками и другими земскими служащими, отозвавшимися на его призыв, и среди них организовал социал-демократическую группу. Затем познакомился с сельскими учителями, вел среди них пропаганду. Последние помогли Багаеву установить связи с Гусем Хрустальным, Ковровом и Муромом. Следует отметить, что под влиянием студенческого движения и рабочих демонстраций среди интеллигенции пробуждался интерес к политической жизни, росло и оппозиционное настроение, и она, если не проявляла инициативы и активности, то сочувствовала и охотно поддерживала революционных деятелей.

2. Совещание в Кинешме и работа Союза.

Летом 1901 года фактически связи установились между социал-демократическими организациями района, наладилась информация, распределялась нелегальная литература. Но не было устава, точно определяющего эти взаимоотношения, и выборного руководящего центра, об'единяющего деятельность местных комитетов. Для решения этих вопросов было созвано совещание представителей Ярославской, Костромской, Иваново-Вознесенской и Владимирской организаций в августе 1901 г. в Кинешме. Кинешемский уезд с его многочисленными и крупными текстильными фабриками принадлежал к тем забытым местам, куда еще не проникала революционная бацилла со своим разрушительным действием. В Кинешме не было ни революционных организаций, ни партийной работы. Об обысках и арестах «политиков» здесь не было слышно. Жандармы и полиция особой зоркости и бдительности не проявляла. В силу этих соображений наш выбор пал на Кинешму. Мы считали ее более безопасным и удобным местом для совещания, хотя ни у кого из нас совсем не было здесь знакомых. Решили собраться под открытым небом в лесу за Волгой. Явку назначили на бульваре. Никаких недоразумений не произошло, может быть, потому, что все участники совещания хорошо знали друг друга. К счастию, день был прекрасный, солнечный, жаркий. В назначенный час прибывшие являлись к указанному месту, где дежуривший товарищ направлял их на паром. Переехав на дру-

гую сторону Волги (это было в праздник), отошли версты четыре от берега и расположились в великолепном сосновом лесу. На совещании присутствовали от Иваново-Вознесенска—Н. Н. Панин (Гавриил Петрович), Елизавета Аркадиевна Володина (портниха) и Владимир Сергеевич Бубнов; от Ярославля—я и Н. Н. Кардашев; от Владимира—Михаил Александрович Багаев и от Костромы—статистик Александр Заварин и Василий Миндовский.

В порядке дня совещания стояли следующие вопросы: 1) Доклады с мест. 2) Отношение к «Искре». 3) Организационный вопрос. 4) Текущие дела. По второму вопросу я в своем докладе указывала на необходимость выяснить принципиальную позицию Союза, подчеркивая, что идейное об'единение является предварительным условием организационного об'единения. Заканчивая свой доклад, я предложила признать политическую линию и организационный план «Искры» правильным. Было внесено предложение, кажется, Н. Н. Паниным, считать «Искру» руководящим органом партии. Вопрос, поднятый в докладе, больших прений не вызвал. Никаких разногласий между представителями Иваново-Вознесенской, Ярославской и Владимирской организациями он не возбуждал и был давно решен ими в положительном смысле. Но костромские товарищи все еще продолжали сомневаться и колебаться, надеясь на об'единение заграничных организаций, и чтобы ускорить процесс освобождения их от примиренческих иллюзий, вопрос о признании «Искры» был поставлен ребром. В результате прений было принято первое предложение. По вопросу, поднятому Н. Н. Паниным, собрание решило ожидать исхода переговоров между заграничными организациями. Совещание в Кинешме происходило перед об'единительным с'ездом в Цюрихе. По организационному вопросу даны были общие указания для выработки устава, которая была поручена ярославским товарищам, при чем предлагалось устав построить на началах централизма.

Особенно много внимания совещание уделило технике. Как выяснилось из докладов с мест, это был самый острый и больной вопрос. Все представители с мест подчеркивали, что широкая массовая политическая агитация есть очередная задача момента. Прокламации возбуждают среди рабочих живой интерес и с жадностью читаются. Но запросы в этом отношении ни в коей мере не удовлетворяются. Листки, печатаемые на гектографе, мимеографе, выпускаются в сотнях экземпляров, тогда как потребность в них выражалась в десятках тысяч. Все приходили к заключению, что без типографии невозможна систематическая агитация, без которой крайне суживалось влияние социал-демократических организаций на рабочие массы. Устная же агитация путем устройства рабочих собраний в те времена по полицейским условиям была крайне ограничена. Принято

было решение напомнить воронежской группе об ее обещании достать шрифт и другие типографские принадлежности. Кроме того совещание вменило в обязанность каждой организации оказывать содействие в постановке типографии приисканием хозяев для квартиры, наборщиков и проч. Затем, вести сношения с заграницей и с другими организациями как в пределах района, так и вне его, и распределять нелегальную литературу было поручено мне, а издавать листки до выбора руководящего органа—Ярославскому комитету. Совещание затянулось с 10 часов утра до 9 вечера. В лесу стало свежо. Все проголодались. Отправили одного товарища в ближайшую деревню за хлебом и яйцами. Ночь провели в лесу. Итти в город казалось рискованным. Рано утром одни направились на вокзал, а другие на пристань и благополучно добрались до своих мест [1]).

Кинешемское совещание значительно оживило работу и вызвало под'ем настроения у активных работников. За осенние месяцы усилилась пропагандистская и агитационная деятельность. По численности членов и прочности связей с фабриками первое место занимала Иваново-Вознесенская организация, которая распространила свое влияние на Кохму, организовала там кружок, направляя туда нелегальную литературу, и на Шую.

В Кострому приехала новая работница Марья Сергеевна Александрова и сейчас приступила к работе. В конце ноября 1901 г. Ярославская организация тоже пополнилась двумя новыми работниками, направленными Воронежской группой,—Вайсманом и Зароховичем. Они работали в Одессе. Скомпрометированные по делу Одесского социал-демократического комитета, переселились в Кишинев, где снова навлекли на себя подозрение, им грозил арест. Они перешли на нелегальное положение и перебрались в Ярославль—Вайсман с паспортом на имя Александра Волоха, а Зарохович—на имя Николая Лужанского. Приезжие товарищи стали работать в качестве профессионалов-революционеров. Панин и Багаев тоже работали как профессионалы, материальное положение которых при скромных финансовых средствах Союза было нелегкое, но они стойко переносили все житейские невзгоды. Вайсман приехал с маленькой корзинкой, но и та была совершенно пустая. С таким багажем легко было подниматься в путь и перебрасываться с одного конца России на другой.

С приездом одесских товарищей окончательно сконструировался Ярославский комитет, в который вошли: Вайсман, автор этого очерка, Е. Ф. Дюбюк, Зарохович, Герасим Колесников (рабочий-организатор с фабрики «Ярославская Большая Мануфактура»). Руководство местной организационной работой

---

[1]) Кинешемское совещание осталось неизвестным жандармскому дознанию о «Северном Союзе».

я передала Вайсману. Систематические занятия с кружками рабочих, организованными Колесниковым, стал вести Зарохович. Дюбюк и Новицкая просвещали интеллигенцию, главным образом, земских служащих и студентов. Комитетом были выпущены листки: «Ко всем ярославским рабочим» и друг.

Студенческое движение принимало широкие размеры. Борьба обострялась. Студенты Демидовского лицея бастовали и митинговали. Несколько арестованных студентов были избиты в полицейском участке. Эта расправа вызвала неописуемое возмущение и негодование не только в студенческой среде, но и всего оппозиционно-настроенного общества. В течение нескольких дней только и говорили об этом акте насилия и произвола. Номер «Искры» с описанием этого происшествия (была послана корреспонденция в «Искру») переходил из рук в руки, читался нарасхват. В этой напряженной обстановке организовался Студенческий революционный комитет, состоявший в большинстве своих членов из социал-демократов и издававший листки. Через М. С. Кедрова и А. А. Локтина он поддерживал сношения с Ярославским комитетом Р. С.-Д. Р. П. и оказывал услуги последнему. Ярославские жандармы при дознании смешивали эти комитеты, полагая, что существовал один об'единенный студенческий и рабочий комитет. На самом деле никакого слияния комитетов не было.

3. Воронежский с'езд.

В первых числах января (1—5 января) 1902 года состоялся с'езд Союза в Воронеже. Последний выбран был по конспиративным соображениям, и еще потому, что воронежская группа хотела принять участие в работах с'езда. Наконец, оттуда надо было перевезти шрифт, приобретенный воронежцами для Союза. Делегаты на с'езд избирались комитетами. На с'езде присутствовали: от Иваново-Вознесенска—Панин, от Владимира—Багаев, от Ярославля—Вайсман (Волох), пишущая эти строки и вся воронежская группа: А. И. Любимов, В. А. Носков, Л. Я. Карпов, Н. Н. Кардашев и Д. В. Костеркин. Не было делегата от Костромы (отсутствие его об'ясняется простой случайностью: товарищ, избранный на с'езд, заболел).

В порядке дня обсуждались три основных вопроса: 1) Программа Союза. 2) Организационный вопрос. 3) Выборы Центрального Комитета. С'езд много уделил внимания проекту программы, выработанному при ближайшем участии воронежцев [1]). Программа, принятая на с'езде, отражает борьбу течений в партии за период 1899—1901 года и в значительной мере под-

---

[1]) Смотри приложение № 1.

водит ей итоги, отмежевываясь от экономизма, рабочеделенства и других видов оппортунизма, но не осуждая их решительно и прямо.

В первом же пункте подчеркивается конечная цель рабочего движения—уничтожение современного капиталистического строя, и этим проводится резкое отграничение от бернштейнианства, провозгласившего: «Конечная цель—ничто, движение—все». Далее указывается в противовес оппортунистам, полагавшим, что экономическое развитие автоматически приведет к социализму, что только путем систематической организованной борьбы пролетариат достигнет своей цели. Но в этом пункте (2 пункт), имеющем слишком общий характер, ничего не говорится о завоевании политической власти пролетариатом, о его диктатуре, на что было указано в прениях на с'езде.

Программа выдвигает, как ближайшую и важнейшую задачу пролетариата,—низвержение самодержавия, считая, что в завоевании политической свободы он [1]) заинтересован более всех других классов общества и должен выступать в борьбе за нее с своей классовой программой и как самостоятельная политическая сила. Пункт 5 отрицательно относится к совместным действиям с другими, даже революционными партиями. 6 пункт, направленный против экономистов и рабочеделенцев, ограничивающих задачи социал-демократии выяснением и суммированием уже понятых и сознанных рабочими требований и заявлявших, что копейка на рубль дороже рабочему всякого социализма, подчеркивает, что Союз в своей непосредственной практической деятельности будет выяснять конечную цель движения, выдвигать крайние требования, стремясь развивать сознание рабочих, отнюдь не подчиняя своей деятельности данной степени их развития.

На севере преобладала кружковая организационно-пропагандистская деятельность. Широкие рабочие массы оставались без идейного воздействия социал-демократии. Листки выпускались редко и в ничтожном количестве сравнительно с запросами. Давно уже назрела потребность в других методах работы, и в пункте 7 указывается, что лучшим средством развития классового самосознания является агитация, и что Союз будет выпускать листки как общего содержания, так и по поводу различных фактов политической и общественной жизни (в частности, фабричной) и распространять нелегальную литературу.

Наиболее целесообразной формой политической борьбы в переживаемый момент программа признает манифестации и де-

---

[1]) В партии было течение, правда, не влиятельное, представители которого утверждали, что в завоевании политической свободы заинтересован не столько пролетариат, бессильный ею воспользоваться, а образованные классы, которые используют ее в своих классовых интересах. На севере представителем этого течения был А. Евдокимов.

монстрации по поводу различных фактов общественной жизни и особенно в день 1 мая.

Подчеркивая конечную цель рабочего движения, программа не игнорирует и повседневной борьбы рабочих за лучшие условия труда в рамках капиталистического строя, не противопоставляя ее борьбе за полное экономическое освобождение рабочих от ига капитала, а углубляя и расширяя ее, и считает стачку лучшим средством борьбы за жизненные интересы рабочих. Этот вопрос был самым злободневным в крайне отсталом в культурном отношении текстильном районе. Кажется, нигде в мире не было такой низкой заработной платы, какую получали владимирские, костромские и ярославские текстильщики, и такого безграничного произвола фабричной администрации, как здесь, при полном отсутствии каких-либо культурных благ для рабочих. Жилищные условия последних были ужасны. Чувство классового самосохранения толкало рабочих на борьбу с своими эксплоататорами. Стачечная борьба, на которую рабочие дружно поднимались, стойко и упорно вели ее, ярко проявляя глубоко заложенное в них чувство пролетарской солидарности, имела уже свою историю в районе. Но стачки вспыхивали и протекали большею частью стихийно, без всякого не только организационного, но и идейного воздействия социал-демократии. Между тем как об'ективные условия для стачечной борьбы в широком масштабе,—как забастовка по производствам, районные забастовки,—были в высшей степени благоприятны вследствие преобладания во всем районе текстильной промышленности и одинаковой социально-экономической обстановки жизни рабочих. Повышение жизненного уровня рабочих являлось безусловно необходимым для дальнейших успехов классовой борьбы. Союз не мог игнорировать эту задачу. Программа считает целесообразной не только оборонительную, но и наступательную борьбу (пункты 13 и 14) за лучшие условия труда, призывая рабочих к забастовкам при благоприятной экономической кон'юнктуре и стремясь им придать наиболее широкие размеры. Руководство забастовочной борьбой для партийной организации являлось неизбежным, ибо других организаций, которые могли бы руководить ею, как профессиональные союзы, тогда не существовало. Но это подчеркивание важности экономической борьбы не означало ни в какой мере уклона в сторону экономизма. Наоборот, обстановка напряженной забастовочной борьбы, повышая пролетарскую зоркость, впечатлительность, обостряя классовое чувство пролетариата и сталкивая непосредственно с представителями государственной власти, наиболее благоприятна для выяснения конечной цели рабочего движения и политических задач переживаемого момента. В 15 и 16 пунктах выясняется, как надо углублять и использовать экономические забастовки.

Эта программа, отправленная за границу, подверглась основательной критике со стороны заграничных товарищей-искров-

цев, которые своими критическими замечаниями заполнили 80 страниц. К величайшему сожалению, эта критика не дошла по назначению: провалилась по дороге.

После принятия программы обсуждался организационный вопрос.

Союз сконструировался, как социал-демократическая организация, задающаяся целью руководить рабочим движением в соседних губерниях (Владимирской, Костромской и Ярославской) и входящая, как комитет, в состав Р. С.-Д. Р. П. Высшее политическое и организационное руководство деятельностью Союза принадлежит его Центральному Комитету, избираемому на с'езде местных организаций (комитетов в расширенном составе), делегирующих своих представителей. Система выборов не была точно установлена, однородна и не строилась на началах демократизма. Центральный Комитет должен был раз в год созывать с'езд, вести сношения с другими организациями как в пределах района, так и вне его, распределять партийные силы и партийную литературу, выпускать листки. Местные комитеты по уставу должны уделять 50% [1]) своих доходов в кассу Центрального Комитета. Организационный централизм выражался в том, что районные представители, назначаемые Центральным Комитетом, входили в состав местных комитетов и проводили в них линию центра.

В сущности, «Северный Союз» был областной организацией, Центральный Комитет которого по своим функциям соответствовал Областному Бюро (в теперешнем понимании этого органа). Взаимоотношения между Центральным Комитетом и местными комитетами были аналогичны отношениям Областного Бюро к организациям, входящим в его состав, как они определяются теперь.

Попытка же выработать особую программу для Союза об'ясняется тем, что партия тогда не имела ни общепартийной программы, ни Центрального Комитета, а между тем потребность в планомерной работе живо сознавалась, и местным деятелям волей-неволей приходилось самим заниматься составлением программ и удовлетворяться произведениями собственного творчества.

В Центральный Комитет Союза были избраны: т. М. Багаев, Н. Панин, пишущая эти строки, Вайсман и Е. Дюбюк, причем были распределены и районные представители: Панин—в Иваново-Вознесенск, Багаев—во Владимир, Вайсман—в Кострому; Дюбюк и я, как секретарь комитета, должны были оставаться в Ярославле.

Воронежская группа снабдила нас шрифтом и другими типографскими принадлежностями. Панин, Багаев и Вайсман

---

[1]) Этот пункт никогда не выполнялся.

захватили их с собой на север, направив сначала в Иваново-Вознесенск, где рассчитывали устроить типографию, а потом перед своим арестом Панин успел все перевести в Кострому.

После с'езда работа оживилась. Установилось очень тесное общение между организациями в районе. Идейное и организационное единение укрепилось. Комитеты усилили свою агитационную деятельность, выпуская листки, распространяя нелегальную литературу, последний транспорт которой был получен в феврале 1902 г. «Искра» доставлялась в значительном количестве, но спрос на нее во много раз превышал предложение.

Студенческие волнения в Ярославле продолжались. Студенческий комитет выпускал листки к обществу, к рабочим и оказывал услуги социал-демократическому комитету. Велись переговоры об устройстве совместной демонстрации [1]), рабочей и студенческой.

Деятельность Союза распространялась на новые промышленные пункты. Багаеву удалось познакомиться с сельским учителем села Вешки, Меленковского уезда, Иваном Деевым и крестьянином того же села Александром Хлыновым и через них завязать сношения с рабочими завода «Гусь Хрустальный», организовав там с.-д. кружок и направляя туда нелегальную литературу. Затем он завел сношения с Орехово-Зуевым, Ковровом и Муромом. Н. Н. Панин (Гавриил Петрович) с большим успехом работал в Иваново-Вознесенске. Будучи руководителем организации, состоявшей исключительно из рабочих, он очень тесно был связан с ними, «работал на низах» в полном смысле этого слова, руководил всеми собраниями, вел пропаганду и в то же время писал листки и сам их печатал. Костромской комитет, в состав которого входили Н. П. Богданов, М. С. Александрова, И. П. Александров (питерский рабочий), Александр и Василий Заварины, заявлял о своем существовании выпуском листков.

Но тучи уже собирались над Союзом. Жандармские набеги начались с Ярославля. В ночь на 20 января 1902 г., во время выхода рабочих ночной смены, на дворе фабрики «Ярославской Большой Мануфактуры» были разбросаны в большом количестве гектографированные и печатные листки: «Ко всем ярославским рабочим от Ярославского Комитета Российской Социал-Демократической Раб. Партии», «Ко всем русским рабочим», «Обещания капиталистов и фабричные законы» и другие. Это поставило на ноги полицию [2]). Заподозренные в разбрасывании воззваний, рабочие Василий Варакин, Николай Новожилов и

---

[1]) От демонстрации вследствие массовых арестов пришлось отказаться.

[2]) Представление прокурору Московской судебной палаты от 25 января 1902 г. за № 260.

Василий Малков, а также 12 рабочих, составлявших, по агентурным сведениям, «кружок организаторов подготовлявшихся беспорядков на фабрике», а именно: «1) крестьянин Демьян Ермилин, 2) кр. Роман Лушников, 3) кр. Федор Калинин, 4) мещанин Александр Боровиков, 5) мещ. Василий Ермаков, 6) кр. Евстафий Соглачаев, 7) кр. Семен Потехин, 8) кр. Иван Малютин, 9) кр. Александр Белов, 10) мещ. Александр Озеров, 11) кр. Павел Соглачаев и 12) кр. Егор Чувин [1]), подвергнуты личному задержанию и содержатся ныне в Ярославской губернской тюрьме». Эта группа рабочих была арестована 21 января. Затем последовал еще целый ряд обысков и арестов. 23 января были арестованы рабочие Рыжков и Герасим Колесников, член Ярославского соц.-дем. комитета, а 25 января—Николай Антонович Лужанский (Зарохович) и студент Константин Рабинович. Потом подверглись аресту типографский корректор «Северного Края» Александр Лаптев и студенты Демидовского лицея: Леонов, Першин, Завадский, Клириков, М. Кедров и другие.

Следует отметить, что независимо от Ярославского Соц.-Дем. Комитета вели пропаганду среди рабочих Ярославской Большой Мануфактуры корректор А. Лаптев [2]) и студент Леонов, тяготевшие к «Рабочему Делу». За месяц до арестов Колесников и Вайсман подняли вопрос об об'единении с кружком Лаптева, предлагая об'единиться снизу, привлекая отдельных рабочих; Федор Калинин, ткач, входя в лаптевский кружок, стал посещать собрания и у Зароховича, где встречался и с Вайсманом. После ареста Калинин указал на Колесникова, Вайсмана и Зароховича (Лужанского), заявив на допросе, что прокламации получил от последнего. Кроме того указал, что Колесников прятал нелегальную литературу в дровах, где полиция ее и разыскала. Вайсман уцелел потому, что Федор Калинин не знал ни его фамилии, ни его квартиры.

В течение февраля и марта обыски и аресты не прекращались, при чем внимание жандармов особенно привлек Студенческий комитет, который они об'единили с Ярославским Комитетом Р. С.-Д. Р. П. на основании неточных или прямо неверных сведений Леонида Волкова [3]), гимназиста 18 лет, сына учителя Ярославской Большой Мануфактуры. Последний показал, что «в январе 1902 года он, Волков, познакомился с студентом Константином Феликсовым Копачелли, который тогда же стал рассказывать ему, свидетелю, о готовящихся беспорядках, которые хочет устроить как на фабрике, так и на улице некоторый кружок студентов, к числу которых Копачелли причислял и себя. При чем Копачелли вы-

---

[1]) Все—рабочие.

[2]) В кружок Лаптева входили рабочие, уцелевшие от старых кружков Носкова и Доливо-Добровольского.

[3]) Представление прокурору Московск. судебной палаты прокурора Ярославского окружного суда за № 2131.

сказывал, что кружок этот присвоил себе наименование «Ярославского студенческого комитета и комитета Р. С.-Д. Р. П.» и называл членов этого комитета в лице студентов Клирикова, Просяниченко, Кузнецова, Вершинского, Зезюлинского, Першина и Гладкого»... Копачелли высказывал Волкову свое пренебрежительное отношение к тем студентам, которые желали устроить беспорядки в Лицее, но были против уличной демонстрации; сам же Копачелли стоял за такую демонстрацию, в которой предполагалось толпой с красными флагами пройти к фабрике Корзинкина (Большая Мануфактура) и, соединившись там с рабочими, итти затем по городу вместе с ними. Копачелли показывал даже как-то Волкову и красный флаг без древка, на котором была печатная надпись «Социал-Демократическая Партия», при этом говорил, что таких флагов запасено много, и все они хранятся у студента Першина». Прокурор Ярославского окружного суда в своем представлении прокурору Московской судебной палаты пишет: «По делу о Ярославском Студенческом комитете (он же Ярославский комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» [1])...

Между тем показания Леонида Волкова совсем не соответствовали действительности. Ярославский Комитет Р. С.-Д. Р. П. был самостоятельным и никогда не сливался со Студенческим Комитетом, членами его в то время были Дюбюк, Вайсман, я, Зарохович (Лужанский) и Герасим Колесников, и ни один из указанных Волковым студентов в его состав не входил, но всякую помощь квартирами, печатанием листков они оказывали. Связь со Студенческим комитетом поддерживалась через М. С. Кедрова и А. А. Локтина. Переговоры о демонстрации между комитетами велись, предполагали устроить совместно рабочую и студенческую демонстрацию 19 февраля, развернув предварительно широкую агитацию, но вследствие массовых арестов оба комитета вынуждены были отказаться от этого плана.

Ярославское жандармское управление создало общее дело «о преступных кружках, образовавшихся среди рабочих Ярославской Большой Мануфактуры, о Ярославском Студенческом Комитете и Ярославском Комитете Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», «задавшемся целью путем уличных демонстраций и распространения революционных воззваний возбудить среди рабочих недовольство существующим положением, добиться единения рабочих на почве неудовольствия со студентами и хотя бы в отдаленном будущем достигнуть изменения существующего в России монархического образа правления и ниспровержения верховной самодержавной власти». Все арестованные в течение 4-х месяцев (января—

[1]) Представление № 2477.

февраля—марта—апреля) в количестве 63 человек были привлечены к этому делу по 250 ст. Улож. о наказ. В числе обвиняемых оказались: 40 рабочих, 19 студентов и 4 земских служащих. Все арестованные, за исключением Герасима Колесникова и Зароховича (Лужанского), переданных в распоряжение Московского губернского жандармского управления, после кратковременного предварительного заключения были освобождены до приговора. Вайсман, уже скомпрометированный и выясненный жандармами, благодаря показаниям Федора Калинина, своевременно уехал сначала в Иваново-Вознесенск, а потом перебрался в Кострому. М. С. Кедров в конце августа был арестован уже в Москве по делу Северного Союза.

Повторявшиеся жандармские набеги больше всего отозвались на неокрепшей еще, не успевшей пустить глубоких корней рабочей организации, снова разрушенной почти до основания. После 20-го января Ярославская Большая Мануфактура была переполнена шпиками. Провокаторы и предатели еще не были выяснены. Взаимная подозрительность усилилась. Создалась крайне тяжелая обстановка на фабрике для продолжения работы и восстановления организации. Комитет решил сосредоточить работу среди железнодорожных рабочих, стремясь здесь создать рабочее ядро. Рассчитывали на помощь Иваново-Вознесенской организации, которая могла бы направить опытных рабочих. К сожалению, в Иваново-Вознесенске было уже неспокойно. Слышались первые раскаты надвигающейся грозы. В конце января провалилась организация в Кохме, выданная лавочником Черкасовым. Были арестованы руководители кружка: Иван Китаев, Флегонт Шибаев, Алексей Кувенев, Алексей Тюрин и другие. В связи с этим провалом начались обыски и аресты в Иваново-Вознесенске. У Александра и Клавдии Кирякиных при обыске обнаружена нелегальная библиотека томов в 300. Поддерживавшие сношения с Кохмой Григорий Афонин, Иван Ноговицын, Игнатий Найденов и другие рабочие были арестованы, при чем у всех захвачена нелегальная литература. Григорий Афонин, будучи привлечен к дознанию, дал подробные показания вообще, и в частности, относительно Гавриила Петровича (Панина), выяснив его роль, как руководителя организации. Гавриил Петрович снимал квартиру за пределами города, в каком-то непроходимом овраге, куда ни шпики, ни жандармы не решались проникать, у 70-летнего глухого старика Аввакума Малкова и жил без прописки. Никто не знал его квартиры, за исключением Володиной, члена комитета, и Екатерины Васильевны Иовлевой[1]), преданнейшей пособницы социал-демократи-

[1]) Арестованная и привлеченная к дознанию, она стойко держалась на допросе, все отрицая. Формально она членом партии не состояла.

ческой организации и с самого начала существования ее охотно выполнявшей всякие конспиративные поручения. Когда начались обыски и аресты, она и подыскала Панину такую безопасную квартиру. Жандармы, осведомленные Афониным [1]) начали усиленные розыски, устроили облаву, обыскав в один вечер все квартиры, к которым Панин имел какое-либо отношение. 28 февраля он был арестован и засел крепко: у него нашли тектограф, только что отпечатанные прокламации, программу «Севернаго Союза», устав местной организации, нелегальную литературу (последние номера «Искры») и подложный паспорт. По одному Иваново-Вознесенскому делу он получил 5 лет Иркутской губернии. Провалился не только Комитет [2]), состоявший из Панина, Е. Володиной, Александра Кирякина, И. Найденова и В. Маева, но и фабрично-заводские организации, представители фабрично-заводских групп или уполномоченные. Вместе с Паниным были арестованы и привлечены к дознанию рабочие: Е. Володина, А. Кирякин, Найденов, Маев, И. Китаев, Осип Куренев, Михаил Красильников, Василий Кузнецов, А. Тюрин, В. Бардов, Клавдия Кирякина, Ф. Скворцов, Яровицын Иван, Сотин Ефим, Шибаев Флегонт, Семенухин Федор, Лисин Степан, Мольков, Розов Дмитрий, Саванов Павел, Кузнецов Федор, Щапов Федор, Афонин Григорий, Коротков Иван (все рабочие) и другие, всего 44 человека; по приговору, большинство было выслано в Вологодскую, Вятскую и Архангельскую губернии. Итак, разгромлена была наиболее сильная и тесно связанная с массами организация, отличавшаяся своеобразным строением. Сознательные рабочие каждой фабрики составляли фабрично-заводское собрание, которое избирало коллектив из казначея, заведующего партийными сборами, библиотекаря, распределявшего нелегальную литературу, и уполномоченного или представителя, связанного с комитетом. Фабрично-заводской коллектив руководил работой на фабрике, а собрание уполномоченных об'единяло эту работу под руководством комитета. Пропагандистские кружки, в которые входили рабочие разных фабрик, не сливались с фабрично-заводскими группами, хотя создавались при содействии последних. Таким образом комитет через собрания уполномоченных и фабрично-заводские коллективы был связан с массами. Следует отметить, что правила конспирации соблюдались плохо. Руководителей движения знали не только члены фабричных групп, но и беспартийные рабочие. Это в значительной мере об'ясняется тем, что руководителями являлись

[1]) Подробные указания о Панине сделал арестованный 16 февраля в Шуе рабочий Иван Исаев Коротков. Кроме того он указал две консперативные квартиры: на первой жили—Осип Куренев, Василий Кузнецов, Мих. Красильников и Ф. Скворцов, а на второй—В. Маев, Дмитрий Розов. Все эти товарищи были арестованы.

[2]) Это был комитет, состоявший исключительно из рабочих.

рабочие, связанные с фабрикой, а в повседневной жизни—с рабочей средой, которым невозможно было законспирироваться.

Жандармские набеги в Ярославле и Иваново-Вознесенске внесли замешательство в работу, дезорганизовали ее, заставили отказаться от устройства первомайской демонстрации, затормозили постановку типографии. Оставались невредимыми Владимирская и Костромская организации, но дни и их существования также были сочтены. Начало 1902 года ознаменовалось разгромом искровских организаций в Москве, Киеве и других местах. 16-го февраля 1902 года на границе был арестован студент т. Таланов, у которого захвачена печать «Северного Союза» и Костромского комитета. Затем провалилась большая переписка—критика программы Союза и письма. Наконец, в департамент полиции попали адреса, явки и пароли «Северного Союза», открыв доступ провокаторам в его организации. Они не заставили себя долго ждать и скоро явились.

4. Ликвидация «Северного Союза».

Инициатива ликвидации «Северного Союза» исходила не от местных жандармских управлений, которым был неизвестен ни состав Центрального Комитета Союза, ни местных комитетов, а от департамента полиции, куда попали адреса, явки и пароли Союза, отобранные у тов. Блюменфельда при переезде его из-за границы в Россию. Департамент полиции решил взорвать Союз изнутри, направив с добытыми адресами и паролями провокатора. Выбор пал на Меньщикова[1]), помощника начальника Московского охранного отделения Зубатова. Сначала Меньщиков явился к воронежским товарищам, которые направили его в Ярославль ко мне, как они обычно делали с партийными работниками, желающими работать на севере. 2 апреля М. А. Дидрикиль сообщила мне о приезде товарища. Я назначила ему свиданье в квартире Е. Н. Новицкой. Приезжий «товарищ» неприятно поразил меня своим тучным, упитанным видом и мало выразительным лицом. Задав ему несколько вопросов, я убедилась, что он был в Воронеже, виделся там с Любимовым, Кардашевым и другими, и первое невыгодное впечатление у меня сгладилось. Приезжий назвал себя Иваном Алексеевичем. Говорил он немного, но его замечания указывали на знакомство с партийными программами и революционными деятелями. В начале марта провалилась Иваново-Вознесенская организация. Панин и много рабочих были арестованы. Иваново-вознесенцы требовали присылки работника. Я предложила Ивану Алексеевичу поехать в Иваново-Возне-

[1]) Меньщиков, будучи в 1887 году учеником Строгоновского училища, организовал из учеников народовольческую группу. Арестованный, он под влиянием Зубатова, который еще нелегально служил в охранке, продолжая оставаться в рядах революционеров, предал своих товарищей, был освобожден и сделался сотрудником охраны, сначала негласным.

сенск. Он не отказался, но пожелал предварительно познакомиться с Костромской и Владимирской организациями, пароли к которым он имел. Но «на ловца и зверь бежит», как говорит пословица. Как раз во время нашей беседы, к несчастью, явился другой товарищ, назвавшийся Владимиром Михайловичем Бронером (Ф. И. Гурвич-Дан), приехавший в тот же день и с таким же паролем, что и первый. Я познакомила его с Иваном Алексеевичем, как с товарищем, только что прибывшим из Воронежа от «американцев». Бронер очень заинтересовался этим обстоятельством и спросил: не встретил ли он в Воронеже «Бродяги», к которому Иван Алексеевич проявил не меньший интерес; словом, судьба Бродяги сблизила их. Началась общая беседа. Оказалось, что Бронер участвовал на конференции в Белостоке, как делегат от «Искры». Он очень подробно, живо и остроумно описывал ту борьбу с рабочеделенцами, которую ему пришлось там выдержать. Глубоко возмущался действиями Петербургского комитета, взявшего на себя задачу созвать с'езд и разославшего искровским группам приглашения так, что они их или совсем не получили или получили с запозданием. Приехал только нижегородец, да и тот покинул совещание, не дождавшись его конца. Бронер оказался единственным искровцем, но ему удалось добиться своей цели. Попытка конституирования с'езда [1]) большинства не получила. Совещание признано было только конференцией, на которой участвовали делегаты: от Ц. К. Бунда, заграничного «Союза Русских Социал-Демократов», «Заграничного Комитета Бунда», от редакции «Искры», Петербургского комитета и Южного Рабочего. Конференция приняла проект первомайского воззвания «Искры» с незначительными поправками и выбрала организационную комиссию по созыву действительно общепартийного с'езда за границей. Бронер передал мне постановления конференции и корректурный экземпляр первомайского воззвания для снятия копии, сообщив, что оно будет напечатано в типографии «Искры» в количестве 100 тысяч экземпляров. Я просила его уделить для Союза десять тысяч, затем сообщила о разгроме Иваново-Вознесенской организации, об арестах в Ярославле, что заставляет Союз отказаться от устройства первомайской демонстрации и ограничиться распространением листков и собраниями за пределами города.

[1]) В начале 1902 года, по инициативе Ц. К. Бунда и заграничного Союза Русских Социал-Демократов, Петербургским комитетом была сделана попытка созвать съезд для восстановления единства партии. Искровские организации в то время подвергались разгрому в Литве, Киеве, Москве, Кишиневе и не могли принять активного участия в подготовке съезда, считали момент неблагоприятным для его созыва. Редакция «Искры» делегировала в Белосток Дана с мандатом: 1) Отстаивать превращение съезда в конференцию. 2) Ограничить задачи последней выпуском общепартийного воззвания к 1 мая и принятием мер, необходимых для созыва действительного съезда. Конференция состоялась в конце марта в Белостоке.

Я условилась с Бронером увидеться на следующий день, но от этого свидания пришлось отказаться. Утром у квартиры Петрова, где он остановился, уже дежурили шпики, появление которых большой тревоги не возбудило, потому что убийство Сипягина вообще поставило всю полицию на ноги. Но Ивана Алексеевича шпики совсем не смущали, ему удалось еще раз увидеться и поговорить с Бронером. Последний в этот же день вечером уехал в Москву и 4-го апреля тотчас по приезде был арестован на Ярославском вокзале[1]). А Иван Алексеевич, ободренный первой удачей, направился в Кострому, где его ожидали не меньшие успехи. Повидавшись с Богдановым, он попал к Марье Сергеевне Александровой, члену комитета, у которой на квартире происходили конспиративные собрания, собирался комитет и печатались листки. В костромских товарищах Иван Алексеевич не возбудил никаких сомнений, они были с ним вполне откровенны, информируя его подробно о своей работе.

Второй раз я встретилась с Иваном Алексеевичем во Владимире у Панкратова и Багаева 10 апреля. Я приехала, чтобы вместе с Багаевым обсудить план празднования 1 мая, способ распределения и распространения первомайских листков и кстати выяснить вопрос о вновь прибывшем товарище, куда его направить и какую работу ему дать. Иван Алексеевич совсем не нравился Багаеву, казался странным, и только одно обстоятельство смягчало его недоверие: он приехал с паролем[2]). установленным только с В. А. Носковым. Мы решили наблюдать за вновь прибывшим, но не успели еще как следует проверить своих впечатлений, как очутились за решеткой, и тогда уже у нас сомнений больше не было, сразу прозрели и поняли, что Иван Алексеевич—провокатор.

Я провела во Владимире только один день. При возвращении на Владимирском вокзале меня осаждали шпики, при чем я невольно вспомнила Ивана Алексеевича и приготовилась к аресту. Но час моей неволи еще не пробил. Я благополучно добралась до Ярославля, не заметив за собой уличного наблюдения.

Уезжая, Бронер обещал скоро написать и выяснить окончательно вопрос о первомайских листках, при чем предупре-

---

[1]) Все участники Белостокской конференции, за исключением Петербургского делегата, были тоже арестованы или по дороге с конференции или по приезде на места. Член Ц. К. Бунда Павел Розенталь был арестован 31 марта. У бундовцев также оказался провокатор, принимавший участие в организации конференции, так что одновременное появление в Ярославле Бронера и Ивана Алексеевича, вероятно, не было случайностью.

[2]) Нам совершенно была чужда мысль, что пароль может быть записан и попасть в руки властей, тем более, что пароли у нас были чрезвычайно простые, которые легко запомнить.

дил, что он может «провалиться», предлагая самим быть готовым и к их печатанию. Прошло дней десять, а от него не было никаких вестей. Пришлось примитивным способом приготовлять листки, и в ограниченном количестве. Распространить их до провала Союза все-таки удалось. Иван Алексеевич тоже предлагал свои услуги по доставке первомайских листков, дал мне адрес (Киев, Подвальная, дом Витгенштейна), по которому я могла сделать запрос, если не получатся листки от Бронера. Я адрес зашифровала, но не написала, полагая, что из этой переписки никакого толку не получится.

При обыске этот адрес у меня отобрали. Московское жандармское управление после ареста направляет его в департамент полиции для расшифровки, а затем обращается к Киевскому жандармскому управлению с просьбой выяснить обитателей дома Витгенштейна и в ответ получает: «Такого дома на Подвальной улице не значится». Адрес был придуман и мой запрос был нужен, чтобы иметь лишнее вещественное доказательство.

Пребывание Ивана Алексеевича на севере было кратковременным, мимолетным: он два дня провел в Ярославле, столько же в Костроме и несколько дней во Владимире. Но последствия этого провокаторского налета оказались самыми трагическими для Союза. Победа наглому провокатору досталась легко. Он мог гордиться своими успехами перед департаментом полиции. Он попал в самый центр организации. К нему сначала отнеслись с доверием, как к товарищу, приехавшему работать. Это доверие подкреплялось тем, что он был направлен воронежскими товарищами, которые отличались осмотрительностью и производили строгий экзамен работникам, посылаемым на север. Наконец, он явился, как казалось, с «очень надежными паролями». Помогли ему и такие случайности, как встреча с Бронером. Притом же Воронежская группа, как потом выяснилось в тюрьме, была арестована в тот же день, когда Иван Алексеевич ей нанес визит,—30 марта. Но письмо с известием об этих арестах до нас не дошло, застряло по дороге; и с этой стороны предостережения не последовало.

Итак, Союз только что начал планомерную работу, укрепляя идейное и организационное единство, расширяя свое влияние, захватывая новые промышленные пункты,—и в этот момент деятельность его была прервана смелым провокаторским налетом и опустошительным жандармским набегом, действие которого оказалось тем разрушительнее, что распространялось на весь район, и в то время, когда местные организации были уже ослаблены предшествовавшими массовыми арестами. Союзу был нанесен удар, от которого он долго не мог оправиться и восстановить организацию в прежних размерах. Снова ожила организационная обособленность, но идейное влияние Со-

юза оставило глубокие следы. Борьба, начатая в районе с экономизмом, рабочеделенчеством, вообще со всеми видами оппортунизма, дала весьма ценные результаты. Комитеты и группы, входившие в Союз, и в последующие годы крепко держались позиции революционной социал-демократии, оставаясь верными ее принципам. Эту работу Союза не удалось разрушить даже очень опытным и искусным провокаторам. Наметившийся после II с'езда партии среди части искровцев уклон в сторону оппортунизма в форме меньшевизма не нашел никакого отклика в районе Союза. Меньшевизм здесь никогда никаким влиянием не пользовался. Разумеется, это об'ясняется не одной деятельностью Союза, но и влияние последнего вне сомнений. Одну из своих задач Союз выполнил удачно, создав в районе опору революционной социал-демократии. Комитеты района всегда оставались большевистскими.

После II с'езда партии Союз был преобразован в «Северный Комитет», а местные комитеты переименованы в группы «Северного Комитета». В июле 1905 года на конференции северных организаций в Костроме он был ликвидирован, распался на самостоятельные комитеты — Иваново-Вознесенский, Костромской и Ярославский. Движение приняло широкие размеры, местные организации разрослись, окрепли (особенно Иваново-Вознесенская, после большой летней забастовки 1905 г. насчитывавшая больше организованных рабочих, чем Ярославль и Кострома) и заявляли права на самостоятельное существование. В это время уже функционировал Центральный Комитет партии, избранный на III с'езде, который политически руководил и практически об'единял местные Комитеты, и «Северный Комитет» уже потерял смысл своего существования.

5. Разгром «Северного Рабочего Союза».

Департамент полиции, получив обстоятельные агентурные сведения о «Северном Союзе», повел дело ликвидации его централизованно и с поразительной быстротой. Иван Алексеевич первый раз появился на севере 2 апреля, дней десять пробыл в районе. А уже отношением от 18 апреля 1902 года за № 2916, департамент полиции сообщает начальнику Московского губернского жандармского управления, что «путем агентурного обследования и наружного наблюдения филеров» летучего отряда департамента полиции в городах Ярославле, Костроме и Владимире-на-Клязьме намечен состав социал-демократических организаций направления «Искры», взаимно об'единенных между собой под общим наименованием «Северного Рабочего Союза». Ввиду того, что указанные организации в течение минувшей Страстной и Пасхальной недель усиленно занимались изготовлением воззваний, призывающих рабочих и интеллигентов к празднованию 1 мая старого стиля, «департа-

мент полиции предлагает его превосходительству во избежание беспорядков безотлагательно командировать в вышеуказанные города состоящего при Московском губ. жандармском управлении ротмистра Герарди для общего руководства обысками и арестами, предложив последнему за необходимыми раз'яснениями обратиться в Московское охранное отделение». На основании этого распоряжения начальник Московск. губ. жандармского управления предписывает отношением от 20 апреля 1902 года за № 4093 ротмистру Герарди отправиться в города Ярославль, Кострому и Владимир для общего руководства обысками и арестами личного состава «Северного Рабочего Союза» и вручить при этом конфиденциальные письма полковникам Филатьеву, Кемпе и Ковалевскому.

В ночь на 23 апреля производятся, по указанию Герарди, обыски и аресты в Ярославле, где Герарди лично присутствовал, Костроме и Владимире.

В Ярославле были обысканы и арестованы: 1) Ольга Афанасьевна Баренцова, 2) Новиков Василий Яковлевич, 3) Трегубов Николай Михайлович, 4) Дюбюк Евгений Федорович, 5) Локтин Александр Алексеевич, 6) Петров Леонид Егоров, 7) Новицкая Екатерина Николаевна, 8) Трефелев Борис Васильевич, 9) Дидрикиль Мария Августовна, 10) Дидрикиль Ольга Августовна, 11) Глазунов Григорий Иванович, 12) Моргунов Василий Иванович и обыскан Воробьев Клементий Яковлевич, заведующий статистическим бюро губернской земской управы. Всего было произведено 13 обысков и 12 арестов.

В Костроме обысканы и арестованы: 1) Александр Павлович Заварин, 2) Василий Павлович Заварин, 3) Лебедев Василий Александрович, 4) Богданов Николай Павлович, 5) Александрова Мария Сергеевна, 6) Буянов Василий Владимирович, 7) Катков Дмитрий Хрисанфович, 8) Родионов Николай Иванович, 9) Колокольцев Семен Семенович, 10) Потехин Семен Лукич, 11) Загайная София Константиновна, 12) Третьякова Анна Константиновна, 13) Александр Парфенович Волох [1]) (Вайсман) и 14) Александров Иван Платонович. Обысканы: 1) Масляников Николай Романович, 2) Сперанская Екатрина Павловна, 3) Христофор Васильевич Катков. Произведено 17 обысков и 14 арестов.

Во Владимире обысканы и арестованы: 1) Дубровский Николай Сидорович, 2) Панкратов Александр Саввич, 3) Багаев Михаил Александрович, 4) Александров Леонид Яковлевич, 5) Черный Александр Федорович, 6) Пригора Владимир Александрович и 7) Анфиногенов Алексей Иванович. Обысканы: 1) Анисимов Виктор Иванович, 2) Смирнов Георгий Алексан-

[1]) Вайсман был арестован по требованию Ярославского губ. жандармского управления.

дрович, 3) Тихомиров Михаил Федорович; 4) Крамаревская Марья Ивановна и 5) квартира матери Е. Ф. Дюбюк. Всего обыскано 12 человек, из которых 7 арестовано.

В ночь на 23 апреля в Ярославле, Костроме и Владимире было произведено 42 обыска и 33 ареста. В числе арестованных 11 рабочих и 22 интеллигента, из которых 18 земских служащих.

В Ярославле обыски не дали жандармам никаких ценных материалов, разоблачавших деятельность Союза. У меня захватили старый, уже провалившийся заграничный адрес, по которому посылались корреспонденции в «Искру», и письмо из Харькова Новикову личного характера. Правда, в нем описывались меры усмирения харьковских крестьян, но к местной работе оно не имело никакого отношения. Затем у Трегубова нашли № «Зари» и у кого-то еще пару старых петербургских прокламаций. В Костроме обыски сначала тоже оказались безрезультатными. Но в квартире Заварина, где была устроена засада, был захвачен Лебедев с конспиративным письмом на имя Марии Ивановны (моя кличка). Тогда Герарди сам направляется в Кострому и производит в квартире Завариных вторичный обыск, на этот раз более успешный: найдены типографский станок и шрифт, которые были зарыты в земле.

Во Владимире у Дубровского отобрано 166 номеров «Искры» и другие нелегальные брошюры. Кроме того при аресте у Панина 28 февраля отобрана программа Союза (хотя в ней нет указания, к какому району она относится), конспиративные адреса костромских товарищей, написанные моей рукой, и мое конспиративное письмо к Панину. Эти материалы дали возможность жандармскому дознанию установить связи между Ярославлем, Костромой и Иваново-Вознесенском. Печать «Северного Союза» была захвачена еще 16 февраля у студента Таланова при его аресте на границе.

Следствие по делу о «Северном Рабочем Союзе» велось при Московском губернском жандармском управлении. Отношением от 28 апреля 1902 года департамент полиции сообщает начальнику Московск. губ. жанд. управления, что «по соглашению с министерством юстиции признано возможным сосредоточить расследование по этим делам при вверенном вашему превосходительству управлении». «Предложить начальникам Ярославского, Костромского и Владимирского жандармских управлений передать все материалы по обыскам и арестованных в ваше распоряжение». Департамент полиции просит «возбудить формальное дознание о «Северном Рабочем Союзе», поручить производство такового ротмистру Герарди, который уже ознакомлен со всеми материалами по этому делу».

По делу «Северного Союза», кроме лиц, арестованных 23 апреля, привлекались и содержались под стражей: 1) Доли-

во-Добровольский Александр Петрович, 2) Гурвич Федор Ильич, 3) Панин Николай Николаевич, 4) Таланов Николай Васильевич, 5) Мамадышский Николай Николаевич, 6) [1]) Петровский [1]) Василий Капитон., 7) Галочкин Василий Веденеевич, 8) Яшин Дмитрий Семенович, 9) Морозов Константин Андреевич, 10) Рутковский [2]) Валериан Александрович, 11) Карпов Лев Яковлевич, 12) Любимов Алексей Иванович, 13) Костеркин Дмитрий Васильевич, 14) Кардашев Николай Николаевич, 15) Анисимов Виктор Иванович, 16) Тихомиров Михаил Федорович, 17) Кувшинская Софья Николаевна и 18) Гвоздецкий Андрей Казимирович. Последние четверо не были арестованы.

Всего привлекалось по делу «Северного Союза» 51 человек. По своему социальному положению они распределялись так: 15 рабочих и 36 интеллигентов, из которых 27 земских служащих, 4 студента, 1 учительница, 1 конторщица «Северного Края» и 3—служащих в других учреждениях. Большинство земских служащих, привлеченных к дознанию, принадлежали к сочувствующим, оказывали всякое содействие организации адресами, квартирами, собиранием денег. Активного участия в работе они не принимали.

1 мая 1902 года при Московском губ. жандармском управлении было возбуждено формальное дознание о «Северном Рабочем Союзе». Всем обвиняемым была пред'явлена 250 ст. Одни из обвиняемых отказались давать какие-либо показания на допросах, другие, отрицая свою виновность, давали незначительные об'яснения. Откровенные об'яснения дали Дубровский Николай (Владим. орган.), Колокольцев Семен (Костр. орган.) и Леонид Петров (Ярославск. орган.). Но они знали местных работников далеко не всех; их сведения о Союзе были очень скудны. В общем допросы не дали для обвинения достаточного материала, разоблачавшего деятельность Союза.

На одном из допросов произошел конфликт между ротмистром Герарди и Багаевым. Последнему Герарди предложил чистосердечно раскаяться, обещая за это полное освобождение. Возмущенный этим Багаев в знак протеста против недопустимых приемов ведения следствия об'явил голодовку. К нему присоединились Новицкая, Загайная, Гурвич и друг. Голодовка [3]) была небольшая: проголодали дня 4—5. Но Герарди через

---

[1]) Петровский, Галочкин и Морозов были арестованы по дополнительным обыскам в августе 1902 г. в г. Костроме.

[2]) Рутковский, Карпов, Любимов, Костеркин и Кардашев были переведены из Воронежской тюрьмы в июне.

[3]) Это была полоса «увлечения голодовками в тюрьмах», которые об'являлись и по серьезным мотивам и из-за мелочей. Тюрьмы тогда (1901—1902 г.г.) были битком набиты политическими. Много сидело молодежи по студенческим делам Общение между заключенными было очень тесное. Настроение приподнятое, боевое. Голодовку рассматривали, как продолжение революционной борьбы и за решеткой.

некоторое время был устранен и заменен подполковником Бабчинским.

Как ни опустошителен был набег 23 апреля, а все-таки всех корней вырвать не удалось. Отношением от 18 сентября 1902 г. за № 5872 департамент полиции сообщает начальнику Московского губ. жандармского управления, что, по сведениям Владимирского губ. жандарм. управления, «несмотря на произведенные в текущем году обыски и аресты по делу преступной организации в Иваново-Вознесенском районе, там нарождается новая организация. 26 мая в лесу, поблизости гор. Иваново-Вознесенска, происходила сходка 11 выборных Иваново-Вознесенской социал-демократической партии. На сходке этой читалась нелегальная литература, происходил обмен этими изданиями и обсуждался вопрос о нынешнем положении дела пропаганды в с. Кохме и гор. Иваново-Вознесенске». «При обсуждения вопросов о способах приобретения новейшей нелегальной литературы один из участников сходки, по имени Михаил, сказал, что таковая будет ему прислана в непродолжительном времени или из С.-Петербурга, или же из какой-то мелкопоместной усадьбы по реке Волге у гор. Костромы, где, якобы, находится спрятанной подпольная типография, при чем сказанный неизвестный говорил также, что в этой усадьбе производился недавно обыск, но весьма неудачно». Далее указывается, что, по сведениям охранного отделения, такой усадьбой может быть только усадьба, где живет София Зак, адрес которой отобран у Николая Николаевича Панина. Встревоженный этими сведениями, начальник Московского губ. жандармского управления спешит принять надлежащие меры. «Для полного освещения подпольной деятельности преступных кружков и сообществ, раскинувших свои сети на северные промышленные губернии и задавшихся целью об'единить свои силы, централизуя руководящие органы в «Северном Рабочем Союзе», а также для выяснения, главным образом, всех лиц, состоявших во главе названной организации, и для детального ознакомления с дознаниями, производящимися о местных комитетах социал-демократических рабочих партий в губерниях Ярославской, Костромской и Владимирской», командируются в Ярославль и Кострому подполковник Бабчинский и прокурор Поляков. Эта командировка никаких материалов дознанию не дала, но следствие затянула.

Следствие, продолжавшееся 8 месяцев, закончилось 28 декабря 1902 года.

Несколько человек было освобождено в июле 1902 г., большинство—в октябре и в начале ноября, Дюбюк и Локтин—7 декабря. По окончании следствия в тюрьме оставались Багаев, Панин, пишущая эти строки, Вайсман и Ф. Гурвич. В июле

1903 г. Панин и Гурвич [1]) были до приговора высланы в Восточную Сибирь, а я по болезни—в Астраханскую губернию. Ввиду того, что у Багаева [2]) и Вайсмана были еще дела, их задержали до декабря 1903 года, а потом тоже выслали в Восточную Сибирь.

Дознание о «Северном Рабочем Союзе» было разрешено административным порядком. Приговор подписан 21 сентября 1903 года.

Постановлено: I. Выслать под гласный надзор полиции: 1) в Вост. Сибирь—Федора Гурвича на шесть лет, Николая Панина на пять лет, Николая Таланова и Николая Богданова на четыре года, 2) в Астраханскую губернию—Ольгу Варенцову на три года, 3) в Вологодскую губернию—Екатерину Новицкую, Леонида Петрова, Марию Дидрикиль, Николая Дубровского и Софию Кувшинскую на три года, 4) в Архангельскую губернию—Василия Заварина, Леонида Александрова, Александра Черного, Николая Мамадышского, Николая Трегубова, Александра Локтина, Андрея Гвоздецкого, Евгения Дюбюка, Дмитрия Каткова и Василия Буянова на три года.

II. Подвергнуть Григория Глазунова, Константина Морозова, Виктора Анисимова, Софию Загайную, Анну Третьякову и Михаила Тихомирова гласному надзору полиции в местах их жительства на два года.

III. Вменить Владимиру Пригоре, Василию Моргунову и Василию Новикову в наказание предварительное содержание под стражей.

IV. Принятием означенных мер взыскания в отношении Федора Гурвича, Николая Панина, Дмитрия Каткова и Василия Буянова разрешить и другие расследования, производившиеся о Гурвиче—при Московском, о Панине—при Владимирском, а о Каткове и Буянове—при Костромском губернских жандармских управлениях.

По состоявшемуся соглашению министра внутренних дел и юстиции дознание в отношении обвиняемых Михаила Багаева, Хаима Вайсмана, Семена Потехина, Дмитрия Яшина, Александра Панкратова, Василия Петровского, Василия Галочкина и Ольги Дидрикиль приостановлено для совместного рассмотрения с другими о них делами и прекращено о Марии Александровой, Алексее Анфиногенове, Борисе Трефилеве, Василии Лебедеве, Валериане Рутковском, Дмитрии Костеркине, Алексее Любимове, Николае Кардашеве, Льве Карпове,

[1]) Гурвич привлекался еще по делу Белостокской конференции.

[2]) Багаев привлекался по Владимирскому делу, а Вайсман—по Одесскому.

Александре Доливо-Добровольском, Александре Заварине, Семене Колокольцеве и Николае Родионове.

Багаев и Вайсман по приговору были высланы в Восточную Сибирь на 4 года, Яшин на 5 лет (по Харьковскому делу).

Постановлением Московского губ. жандармского управления от 19 мая 1905 года, дело в отношении Василия Галочкина, Василия Петровского, Ивана Александрова, Александра Панкратова прекращено. Доливо-Добровольский и Иван Александров еще до приговора уехали нелегально за границу.

Материалы.

Приложение I.

«Союз, как социал-демократическая организация, задающаяся целью руководить рабочим движением соседних губерний, считает себя Комитетом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии».

Программа союза.

1) Признавая полную противоположность и непримиримость интересов буржуазии и пролетариата, Союз считает конечной целью рабочего движения—уничтожение современного капиталистического строя и переход всех средств производства и земли во владение всего общества.

2) Считая социализм классовым интересом пролетариата, Союз признает, что достижение этой цели возможно лишь путем упорной и систематической борьбы самого пролетариата, что освобождение рабочих от ига капитала должно быть «делом самих рабочих».

3) Действуя в стране, где иго безграничного абсолютизма проявляется в полном игнорировании человеческой личности, ее законных прав и произволе администрации, Союз считает ближайшей и важнейшей задачей выяснить рабочим необходимость для правильной организованной борьбы за свое окончательное освобождение—завоевание политической свободы и как необходимое условие ее—свержение самодержавия, представляющего интересы исключительно господствующего класса и в силу этого несовместимого с принципом демократии.

4) В широкой политической свободе и в полном ее использовании заинтересован в России лишь один класс—рабочий, и осуществление ее является для него такой же необходимостью, как повышение заработной платы и уменьшение рабочего дня. Ввиду этого Союз считает необходимым, чтобы в предстоящей борьбе социал-демократия выступила с определенной классовой программой и требованиями, не подчиняя их программам

либеральных и революционных (не социал-демократических) партий и отнюдь не выступая орудием в руках этих последних, хотя бы в критический момент и пришлось итти рядом с ними.

5) В своей непосредственной деятельности Союз отрицательно относится к признанию важности действовать совместно с другими революционными партиями, признавая единство взглядов и тактики лучшим залогом своего успеха. Такое совместное действие Союз считает возможным лишь с разрешения всей партии.

6) В виду многочисленных недоразумений последнего времени, Союз считает необходимым заявить, что резко различает понятия: класс, как совокупность людей, находящихся в одинаковом общественном положении в процессе производства, и партия, как группа лиц, сознающих положение и роль данного класса не только в настоящем, но и в будущем и в предвидении того будущего, ведущих свою деятельность на пользу данного класса по определенной программе. Поэтому в непосредственной практической деятельности Союз не будет игнорировать конечные цели своей программы, будет выставлять крайние требования и стремиться развивать самосознание рабочих, отнюдь не подчиняя своей деятельности данной степени их развития, с которой будет считаться только как с необходимым базисом (основанием).

7) Считая задачей своей деятельности развитие самосознания пролетариата, как класса, поставленного в определенные конкретные условия, Союз признает единственным средством осуществления этой задачи—воздействие на широкие слои рабочих, то-есть агитацию. Союз будет широко распространять среди рабочих нелегальную литературу, выпускать листки как общего содержания, так и по поводу различных фактов политической и общественной (в частности, фабричной) жизни, выясняя их рабочим с их классовой точки зрения, будет стремиться придавать стачкам возможно более широкий размер и глубокий характер.

8) Стремясь воздействовать на широкие слои рабочего класса, признавая агитацию единственным средством такого воздействия, Союз признает пропаганду, как форму революционной деятельности лишь постольку, поскольку она задается целью выработать из пропагандируемых рабочих опытных и умелых агитаторов и руководителей движения, относясь отрицательно к пропаганде в кружках саморазвития, задающейся целью вырабатывать только единичных сознательных рабочих, как к форме революционной деятельности, не соответствующей пониманию классовой борьбы в современном буржуазном обществе.

9) Считая ближайшей целью своей деятельности свержение самодержавия и завоевание политической свободы, союз считает демонстрации и манифестации по поводу различных фактов общественной жизни, тех или других мероприятий правительства лучшим средством политического воспитания рабочих, средством, могущим в данный момент об'единить наибольшее число рабочих, развивая в них этим самым сознание общей цели и солидарности в борьбе за ее достижение.

10) Союз признает безусловно необходимым выпускать листки и организовать манифестации в день 1 мая, указывая на интернациональный характер праздника, стараясь развивать в рабочих братские чувства к пролетариату всех стран и сознательное отношение к лозунгу: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь».

11) Союз считает необходимым организацию демонстраций в день 19 февраля. В листке по этому поводу, рассматривая недостатки реформы, Союз должен будет указывать рабочим, что им нечего ждать от самодержавного правительства; раз'ясняя роль крестьянских бунтов, Крымской войны и друг. фактов общественной жизни того времени в деле проведения реформы, Союз будет стремиться разрушить иллюзии, будто освобождение крестьян было личным делом царя, актом его доброй воли и возбуждать в рабочих полную уверенность, что только сила, сила класса способна одолеть самодержавие.

12) Признавая ближайшей целью своей деятельности завоевание политической свободы и конечной—обобществление средств производства, Союз тем не менее будет всячески способствовать улучшению положения рабочих при существующих условиях, придавая сознательный характер борьбе с непосредственными их эксплоататорами, указывая и раз'ясняя рабочим, что стремление к улучшению своего положения в рамках существующего строя не может быть ни конечной, ни существенной целью рабочего движения.

13) Союз считает необходимым вести не только оборонительную войну за сохранение существующих условий труда, но и наступательную—за их улучшение.

14) Указывая рабочим на улучшение условий труда в других местностях и за границей, на громадное значение их для культурного развития рабочего класса, союз будет по отношению к стачкам играть не только пассивную, но и активную роль, стремясь возбудить рабочих к сознательной борьбе с их непосредственными эксплоататорами за лучшие условия экономического положения.

15) Союз считает стачки лучшим средством борьбы за улучшение положения рабочих. Признавая за частичными забастовками известное значение, Союз в своей непосред-

ственной деятельности будет, однако, всеми средствами стремиться к тому, чтобы стачки принимали более широкие размеры и глубокий характер (всеобщие забастовки).

16) С этой целью Союз будет организовывать забастовки одновременно на многих фабриках одного производства и на фабриках целого района. Члены Союза перед каждой стачкой будут выяснять рабочим необходимость выставлять, кроме мелких требований, требования более широкого характера, к которым могли бы присоединиться другие фабрики и районы. Во время всеобщей забастовки Союз в листках, выпускаемых ко всем рабочим, будет использовывать все факты стачечной жизни. Присутствие жандармов, полиции и солдат будет давать Союзу возможность наглядно раз'яснять рабочим специфический характер царского правительства, как защитника всех эксплоататоров. Союз считает всеобщие забастовки одним из лучших агитационных средств в деле развития в рабочих сознания единства интересов.

*

Приложение II.

Ко всем ярославским рабочим.

С Новым годом, товарищи!

К вам, товарищи, ко всем ярославским рабочим, ко всем тем, кто рвется к лучшей жизни, к свету, к свободе, ко всем, кто задыхается в душной тюрьме царского самодержавия, обращаемся мы с горячим призывом. Проснитесь, товарищи, пора начать деятельную, энергичную борьбу со всеми нашими врагами—фабрикантами и правительством, борьбу за лучшую жизнь, за свет, за свободу. Всюду в столичных и крупных фабричных городах наши товарищи рабочие уже ведут такую борьбу против своих притеснителей. Пламя этой борьбы разгорается все ярче и ярче, все больше и больше прибывает новых, смелых и самоотверженных борцов и, быть может, недалеко то время, когда от мускулистой руки рабочего ярмо царского деспотизма, окруженное солдатскими штыками, разлетится в прах... В этой борьбе должны принять участие и мы—ярославские рабочие: этого требуют наши кровные интересы, требует наша совесть, честь, человеческое достоинство. Взгляните, товарищи, на окружающую нас жизнь, на жизнь рабочего человека. День за днем—каторжный, убивающий силы, однообразный труд. Всю нашу молодость, все наши силы, здоровье наше отнимает работа... Можем ли мы сказать, что мы работаем для того, чтобы жить? Нет, мы живем для того, чтобы работать и только работать... Вся наша жизнь с ранних лет и до преждевременной старости проходит на фабрике за подневольным, поденным, все силы сосущим трудом. Не остается времени для отдыха, для здорового сна, для

настоящей жизни... Этого мало... за каторжный труд, за каторжную жизнь мы получаем жалкие гроши, которых едва хватает на полуголодное существование нас самих и наших семей. Нашим трудом жиреют фабриканты-хозяева, а мы—созидатели всех богатств—прозябаем в нужде, ютимся в грязных углах и каморках, живем впроголодь, перебиваясь со дня на день. От такой жизни чахнут преждевременно наши матери, жены и дочери, наши дети выглядят мертвецами. Жизнь наша, это—не жизнь, это и впрямь сущая каторга... А как обращаются с нами наши хозяева, наши надсмотрщики? Для них мы—рабы, вьючные скоты, которые должны молча и безропотно сносить брань и угрозы, даже побои, тысячи оскорблений, глубоко затаив в себе бессильную злобу. И каких только оскорблений, каких издевательств не придумано нашими угнетателями, чтобы унизить и в грязь втоптать честного рабочего. И когда, наконец, мочи не станет терпеть, когда наболит на душе от обиды и лишений, мы устраиваем забастовку, чтобы силой вынудить от хозяев лучшую жизнь, лучшую оплату за наш труд, на нас насылают войска, жандармов, сыщиков, нас усмиряют, как бунтовщиков, в нас стреляют и бьют ружейными прикладами, хватают и в тюрьмы сажают. А в тюрьмах годами гноят. Что же нам делать, товарищи, как быть? Ведь жить такой жизнью, какой мы живем, дольше нельзя. Не может жить такой жизнью всякий, кто сознает себя человеком, кому дорога своя честь, свое достоинство. И если новой жизнью жить не дают враги наши, значит другого выхода нет, и да здравствует борьба не на жизнь, а на смерть. Только борьбой, неустанной кипучей борьбой, захватывающей всего человека, сможем мы добыть желанную свободу. Мы и раньше боролись против наших хозяев. Мы должны только расширить нашу борьбу. Верный друг фабрикантов — царское правительство—всеми силами старается подавить нас, связать нас по рукам и ногам и связанных отдать нас в полное распоряжение, на милость нашим хозяевам. Правительство боится рабочего движения, оно сознает, что сознательный рабочий—смертельный враг царского самодержавия и азиатского кнута, оно знает, что, получив уступки от хозяина фабрики, рабочий потребует уступок и от хозяина всей России, и оно не щадит сил для того, чтобы искоренить рабочее движение. И это, товарищи, вы запомните. Пока есть на Руси царское правительство, не видать вам коренного улучшения своей жизни, как не видать своих ушей. И это значит в то же время то, что мы тотчас же, ведя борьбу против наших хозяев, должны повести ее и против правительства, верного оруженосца капиталистической клики. Мы должны, товарищи, начать борьбу с правительством. Даже, если бы мы и не захотели этой борьбы—нам от нее не отвертеться: правительство само вы-

звало бы нас рано или поздно на борьбу, оно вызывает нас на нее каждый день, каждый час—день изо дня. В самом деле, товарищи, нас, рабочих, бьют в участках, постоянно и нещадно бьют нас, рабочих, за стачки, за сборы денег в пользу пострадавших товарищей, сажают в тюрьмы, ссылают в ссылку,—сажает и ссылает правительство. Оно нам запрещает собираться на собрания, сообща обсуждать наши рабочие дела, оно даже запрещает писать в газеты о том, как обирают и грабят рабочих фабриканты, как обманывает нас и сам царь и его чиновники. Оно издает законы, которые угнетают бедных и оставляют безнаказанными эксплоататоров. Всюду, на каждом шагу давит нас правительство. Кто же стерпит, кто не начнет упорной, неустанной борьбы против истинного воплощения лжи, беззакония и неправды?

Этого мало, товарищи, две недели назад вы читали вывешенное на фабриках и улицах об'явление губернатора. Вдумались ли вы в то, что там было написано? Знаете ли, что значит это запрещение сходок и собраний—под угрозой штрафа и тюрьмы? Нам, рабочим, правительство запрещает бороться против наших угнетателей, запрещает нам собираться вместе для того, чтобы обсуждать и средства и способы борьбы. Правительству мало и существующих законов; оно вводит вопиющее беззаконие—положение об усиленной охране, чтобы задавить своей грязной пятой первые ростки рабочего движения. И знаете ли вы, что значит это положение об усиленной охране? Знайте же! Если прежде вас сажали десятками в тюрьмы, и сотни сыщиков и шпионов подкарауливали всякое неосторожное ваше слово, теперь вас будут хватать во всякое время дня и ночи, хватать по первому ложному донесению шпиона и тащить в застенок, в тюрьму. Это будет так, товарищи, если вы не начнете борьбы против правительства, если разрозненные, каждый сам по себе, будете молча сносить пощечины, которые градом сыплются на вас из рога изобилия щедрою царской рукою. Проснитесь же, товарищи, сбросьте с себя последние оковы нерешительности и трусости, подымайтесь,—пусть на каждом перекрестке, в каждом доме, в каждой лачуге польется негодующая речь рабочего, и громовые раскаты ее будут будить тех, кто любит много спать. В будущем ждет нас великое благо—свободная жизнь, где не будет ни слез, ни вражды, ни бескрестных могил, ни рабов, ни нужды, беспросветной, давящей нужды, ни меча, ни позорных столбов. Во имя этого будущего боритесь ,товарищи! К этой борьбе зовет вас недавно возникший Ярославский Комитет. Действуя сообща — по одному плану, увеличивая свои силы новыми и новыми борцами, борясь против всех притеснений рабочего класса, от кого бы они ни исходили, борясь всеми возможными средствами,—от мирной забастовки до политической демонстрации, — мы добьемся,

наконец, того, что больше всего нужно нам, мы вынесем на своих плечах политическую свободу и участие рабочего класса в издании законов. Эта свобода нужна нам, товарищи, как воздух, как свет, как тепло. Только завоевав ее, мы приобретем ценное оружие для борьбы за конечную цель нашего движения, за социализм. Готовьтесь же, товарищи, к этой борьбе! Зовите к ней еще не приставших товарищей, и пусть начало ее не застанет нас неподготовленными!

Ярославский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Прочитав, передайте товарищам.

Январь 1902 г.

*

Приложение III.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Памяти погибших.

Вам известно, товарищи, что весной прошлого года над нашей округой разразилась буря: налетели жандармы в рабочие жилища и произвели в них варварское опустошение. Десятки людей арестованы, десятки семейств терпят крайнюю нужду, оставаясь без поддержки своих кормильцев. Тюрьмы Ярославля, Костромы, Ив.-Вознесенска, Владимира и Москвы наполнены рабочими нашего округа. Всюду на улицах и на фабриках подлые шпионы ловят каждое неосторожное слово, чтобы донести по начальству. Грусть и отчаяние во многих рабочих семьях, радость и веселье в домах фабрикантов, жандармов и царских чиновников. За что же так преследуют честных тружеников? За что должны страдать их старики-родители, жены и малолетние дети? За что в тюрьмах похоронены самые лучшие, самые честные и дорогие для нас товарищи? Спросите об этом жандармов, и они вам ответят: «За то, что они вступили в тайное сообщество, именующееся «Северным Рабочим Союзом», который намерен ниспровергнуть существующий строй; их преследуют, как государственных преступников». Что же за люди государственные преступники, и как это случилось, что честные работники становятся государственными преступниками? 40 слишком лет тому назад порвалась цепь крепостного права, и русский люд об'явлен свободным, но не много лет потребовалось, чтобы, избавившись от неволи дворянской, русские труженики попали в новое рабство. Россия покрылась железными дорогами, фабриками, заводами, завели лучшие машины, самые современные станки, на которых работают день и ночь, производя в громадном количестве все, нужное человеку. Для чего понадобился бы прежде труд 10 человек, теперь с помощью машины вырабатывается одним—двумя. А между тем люди, большинство их, проводят жизнь в тяжелом труде; они

живут не богаче прежнего, а подчас и беднее: то же недоеданье, та же неуверенность в завтрашнем дне, те же жалкие жилища, та же жалкая одежда, все та же нужда, нищета. Как будто человечество напрасно изобретает все новые и новые улучшения в производстве и природа упорно не дает ему завоевать благосостояние. Нет, товарищи, не природа виновата в печальном состоянии тружеников, а люди. В нем виноват тот общественный порядок, который отдал все богатства, все, созданное природой и трудом многих поколений, в собственность небольшой кучке людей, а все остальное человечество принуждено продаваться в наймы этим владельцам богатств (капиталистам) и своим трудом умножать чужое благосостояние. Как бы ни росли эти богатства, как бы ни возрастало количество создаваемых трудом наемного рабочего продуктов, плата за этот труд мало изменяется; ее еле-еле хватает на прокормление самого рабочего и его семьи; завтрашний день всегда остается необеспеченным; первая заминка в производстве и рабочий человек стоит лицом к лицу с голодной смертью. Вместо крепостного в мире царит н а е м н о е рабство. Вместо ига барского над рабочими тяготеет иго фабрикантов, помещиков, вообще собственников современного богатства, т.-е. буржуазии, капиталистов. Борьба рабочего класса с классом капиталистов есть борьба за освобождение трудового человечества от нового наемного рабства. Во всем мире от Сибири до Америки кипит эта борьба за освобождение трудящегося человечества: рабы царской машины и ткацкого станка собирают свои силы, организуют рабочие союзы и рабочие партии и шаг за шагом отвоевывают себе лучшую долю. И только тогда прекратятся нищета и бедствия рабочего люда, когда из рук капиталистов будут вырваны те богатства, помощью которых они заставляют работать на себя миллионы тружеников, когда фабрики, железные дороги и земля будут принадлежать всему народу и продукты его труда будут доставаться ему без вычета в пользу тунеядца-капиталиста. Такова цель международного рабочего движения.

Вот к чему стремятся социалисты всех стран, в том числе и Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия, в состав которой входит и Северный Рабочий Союз. Но в других странах народ имеет право участия в управлении государством посредством своих выборных. Народ сам издает законы и эти законы разрешают стачками улучшать свое положение, разрешают устраивать собрания, издавать рабочие газеты и распространять социалистическое сознание. В других странах не считается преступлением говорить и думать, что власть капитала над трудом есть несправедливость, с которой надобно бороться. Не то в России. У нас народ не имеет п о л и т и ч е с к и х п р а в, п о л и т и ч е с к о й с в о б о д ы. Все государственные дела решает самовластное прави-

тельство, стотысячная шайка чиновников с царем во главе, грабя весь народ, обирая его налогами и всякими поборами. Эта шайка об'явила изданные ею законы государственным порядком, а всякую борьбу против этих законов — государственным преступлением. Не зная нужд народа и не желая их знать, самодержавное правительство только и заботится о поддержании своего господства, об увеличении своих доходов и о спокойствии капиталистов и помещиков, которым оно угождает, чтобы примирить их с тем беззаконием и полицейским разгулом, от которых терпит все население. Поэтому каждая стачка рабочих, каждое движение крестьян против помещиков признается бунтом и преследуется с варварскою жестокостью. Кровью народа скрепляется союз царских опричников с эксплоататорами рабочего класса. На той же народной крови, проливаемой самодержавными башибузуками на улицах Петербурга, Ярославля, Батума, Лодзи, Риги, Ростова и Мариуполя, в деревнях Малороссии и Поволжья, той же кровью народной скреплен и наш революционный союз, союз всех угнетенных и порабощенных, союз непримиримой и неутомимой борьбы со всеми угнетателями и поработителями. Никакие силы не разрушат нашего союза, никакие жестокости наших врагов не остановят могучего его роста. Через тысячеверстные расстояния России сознательные рабочие протягивают друг другу свои мозолистые руки, через пограничные линии они посылают свой братский привет борющимся рабочим всего мира. На место заключенных в тюрьмы сосланных и замученных русским правительством борцов становятся десятки новых; на место сотни разогнанных сегодня нагайками рабочих, собравшихся протестовать против самодержавия, завтра выходят тысячи, готовых жизнь свою положить в борьбе за свободу. Всего десяток лет тому назад пронеслось по рабочей России первое слово социал-демократической пропаганды, и теперь уже нет ни одного фабричного квартала, где бы не было рабочих-социалистов, где не шла бы подземная работа развития сознания рабочих, где не плелась бы сеть всероссийской социал-демократической рабочей организации. Напрасны все усилия задавить рабочее движение. Пока не исчезнут нищета и общественная неправда, до тех пор всегда найдутся честные, измученные сердца, в которых слово «социализм» заронило первую надежду и которые откликнутся на призыв к борьбе за освобождение. Напрасны все старания обмануть рабочий класс и отвратить его от социализма жалкими, лживыми подачками. Проснувшись к борьбе, он не продаст своей цели — свободы и счастья за мнимые приманки попов, полицейских и капиталистов. Нас много. Тысячами лучших людей наполнены все тюрьмы Российской империи. Тысячи ссыльных товарищей изнывают в глухих деревушках Сибири и

других местах изгнания. Новые, новые сотни арестуются каждый месяц, и все-таки царское правительство не спокойно за свое благополучие. Все новые и новые меры оно принимает для борьбы с «врагами порядка». Новые миллионы народных денег затрачиваются на шпионов, полицию, жандармов и, в предсмертной тоске чувствуя неминуемую гибель, давит, терзает и мучает свои беззащитные жертвы. Оно чувствует, что дело свободы находится теперь в сильных руках целого класса, класса рабочих, который растет и множится с каждой новой фабрикой, построенной капиталистами и который нельзя ни уничтожить, ни развратить, ни примирить с долей вечного рабства. Пусть же это сознание необходимости рабочего дела крепнет в вашем сознании, товарищи. Пусть никакие страдания, никакие насилия наших врагов не остановят роста могучего освободительного движения. Расстроенную на миг организацию спешите восстановить более сильной, и каждый, в ком живо сознание величия нашего дела, пусть сеет его кругом, пусть вербует новых членов великой армии. Под знаменем Российской Социал-Демократической Рабочей Партии об'единимся в могучую силу и в упорной борьбе с правительством завоюем себе свободу; добьемся того, что с нами будут обращаться не как с преступниками, а как с гражданами, которые сами выбирают своих правителей и сами издают законы для государства. Будем требовать себе свободы собираться, организовывать союзы и общества, устраивать стачки. Северный Рабочий Союз приглашает вас, товарищи, энергично и осторожно продолжать ту работу, которая была временно прервана набегом жандармов. Составляйте кружки для поддержки деньгами наших друзей, заключенных в царских тюрьмах и высланных на родину, для помощи их нуждающимся семьям. Организуйтесь для совместного чтения, для приобретения рабочей литературы, для агитации среди несознательных товарищей. Держитесь крепко Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и ее местного представителя — Северного Рабочего Союза, и вместе со всей нашей партией отвечайте на торжествующие крики наших врагов—капиталистов и правительства—грозным кличем:

Да здравствует рабочее движение! Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия! Долой буржуазию, долой самодержавное правительство! Да здравствует социальная революция!

Январь 1903 г.

Северный Рабочий Союз.

*

Приложение IV.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Летучий листок № 4.

Ко всем русским рабочим.

19 февраля 1861 г. законодательным порядком было отменено крепостное право.

Кому же, товарищи, обязаны мы и наши отцы отменой его? Себе, и прежде всего себе. Потоками крови, пролитой в борьбе за освобождение от рабства помещикам, добились русские крестьяне освобождения от векового угнетения. Что это правда—доказывают следующие цифры. За 30 лет царствования Николая I произошло более 600 восстаний крестьян против помещиков. Восстания эти делались все чаще: в первые 8 лет царствования Николая I их было меньше 100, в следующие 8 лет—150, а в последние 8 лет больше 300. Бунтовщиков усмиряли военной силой, уцелевших от кровавой расправы ссылали в Сибирь.

Да, дорогой ценой досталась русскому народу свобода от крепостных цепей. Неохотно дало правительство ее: Александр II говорил своим друзьям помещикам, «что лучше освободить крестьян сверху, чем ждать, когда они сами себя освободят снизу». Сам царь-освободитель признал, что он был вынужден к изданию закона 19 февраля страхом перед общим народным восстанием.

Крестьяне были освобождены, но правительство ограбило их в пользу помещиков. Им нарезали недостаточные наделы, отвели худшие земли, а выгоны и леса отдали помещикам и назначили непосильные выкупные платежи, которые всецело перешли в помещичьи карманы. С тех пор началось то повальное крестьянское разорение, от которого страдает теперь вся русская земля.

Вслед за освобождением от крепостного права правительству пришлось еще сделать целый ряд других уступок: ввести гласный суд, земское самоуправление, всеобщую воинскую повинность. Все эти уступки правительство сделало тоже скрепя сердце и постаралось урезать их при первой возможности.

Земство принимало меры для помощи разоряемому населению, оно добивалось расширения своих прав. Правительство начало его преследовать: оно запретило ему увеличивать расходы выше известного предела. Отняло у него продовольствие голодающего крестьянства.

Гласный суд оправдывал лиц, которых правительство называло политическими преступниками и которые были ви-

новаты только в том, что боролись за волю и права трудящегося люда. Правительство передало все такие дела суду назначенных им чиновников, которые выносили такие приговоры, какие ему были угодны. В то же время оно давало дворянам и фабрикантам щедрые подачки и пособия из тех денег, которые были взяты с народа под видом податей и налогов. Но оно не делало ни одной серьезной попытки помочь бесправным голодным работникам и крестьянам. Напротив, всякий раз, когда рабочие, выведенные из терпения алчностью капиталиста, поднимались на защиту своих интересов, царские слуги летели ему на помощь. Кровь рабочих лилась в Батуме и Петербурге, Лодзи и Ростове. И царь с высоты своего колеблющегося трона посылал свое царское «спасибо» молодым солдатам, пролившим кровь своих братьев, и царский суд карал мирных стачечников каторжными работами. Всякую попытку крестьян отстоять свои права правительство называло сопротивлением властям и жестоко расправлялось с ними. Когда же в прошлом году вконец измученные, изголодавшиеся крестьяне Полтавской и Харьковской губерний восстали против помещиков, опять царские опричники явились отстоять награбленное дворянами добро. Мужчин истязали розгами, женщин насиловали озверевшие казаки. Затем избитых и опозоренных людей судил шемякинский суд царских чиновников и приговорил к строгим наказаниям. А главному опричнику, князю Оболенскому, за все его зверства и надругательства над безоружными крестьянами царь пожаловал орден Владимира.

Товарищи! У рабочих и крестьян один враг—царское самодержавное правительство. Оно поддерживает порядки, выгодные для помещиков, фабрикантов и чиновников. Надо уничтожить эти порядки, надо упорной борьбой завоевать широкую политическую свободу подобно тому, как упорными восстаниями наши отцы уничтожили крепостное право. Русский народ добьется этой настоящей свободы, только заставив правительство созвать Всероссийский земский собор с участием выборных рабочих и крестьянских представителей. Только такой земский собор, заменив самодержавное правление правлением народа, может издать законы против грабежа капиталистов и помещиков, против произвола чиновников. Земский собор даст рабочим короткий рабочий день, свободу собраний, союзов и стачек, охраняющие их здоровье законы. Крестьян земский собор избавит от власти земского начальника и других нахлебников правительства, отменит выкупные платежи, возвратит отрезанные у них при освобождении земли. Он уменьшит налоги и перенесет их на плечи богатых, он даст всему народу свободу думать, верить, писать, говорить и жить по своим убеждениям.

Товарищи! В нашей борьбе за свои рабочие интересы и за интересы всего русского народа мы победим русское самодер-

жавие. Если оно не уступит добровольно, мы с н и з у с и л о й в о з ь м е м с в о и п р а в а. Мы победим, мы завоюем себе свободу и тогда будем бороться за полное освобождение всех трудящихся от гнета капитала.

Долой самодержавие!
Да здравствует политическая свобода!
Долой буржуазию!
Да здравствует социальная революция!

19 февраля 1903 г.

Северный Рабочий Союз.

*

П р и л о ж е н и е V.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Ко всем русским рабочим.

Ровно 22 года тому назад совершилось крупное событие. Император Александр II был убит русскими революционерами партии «Народной Воли». До сих пор многие с негодованием и отвращением вспоминают об этом событии, указывая на 19-е февраля 1861 г. как на великую заслугу убитого царя, которой не оценили будто бы революционеры. Справедливо ли такое мнение,—это легко увидеть, если мы постараемся выяснить взаимную связь обоих событий, ибо они находятся в самой тесной связи между собой.

В первой половине XIX века крепостное право гнетом, более тяжелым, чем когда-либо, лежало на Руси. Вся Европа быстрыми шагами шла вперед, развиваясь и политически, и идейно-умственно; в России царствовал застой. Благодаря крепостному праву, для развития промышленности не было свободных рабочих рук: без вольнонаемного труда какие уж фабрики? В земледелии не могло быть никакого развития, так как крестьянин был подавлен гнетом непосильной барщины и оброков, а помещик все более делался паразитом, неспособным ни к чему, кроме прожигания жизни. Чиновничество, управлявшее страной, было сплошь продажно, как всегда бывает в деспотических государствах. Идейное развитие было почти невозможно. Цензура и полиция были еще невежественнее, еще грубее и, если это только возможно, еще подлее, чем теперь. Россия, чем дальше, тем больше, отставала от Европы в развитии всех своих сил. Европа воспользовалась этим, чтобы унизить и подавить могущество России. Разразилась Крымская война, которая принесла России страшное поражение, а чиновникам в то же время громадные хищения и наживу. Оказалось, что в крепостной стране не может быть ни достаточных средств, ни хороших путей сообщения, ни честных начальников, военных и гражданских, чтобы выдержать борь-

бу со свободными странами. Необходимость перемен была очевидна. Она была тем более очевидна, что и мера терпения народного переполнилась: крестьяне все чаще стали выступать против подавлявшего гнета. Бунты шли за бунтами, убийства тоже. Надо было произвести реформы сверху, чтобы не получить революции снизу, как об'яснил Александр II московскому дворянству. Так случилось то, что Александр II, вступив на престол, по свидетельству историков, ярым сторонником дворянских преимуществ, принужден был собственными руками подписать манифест об освобождении. Но дворянство все же оставалось правящим классом. Поэтому освобождение было выполнено так, чтобы как можно меньше затронуть его интересы. Это было не только освобождение, но и обезземеление крестьянства. Та земля, которою в действительности владели до тех пор крестьяне, была признана помещичьей, часть ее была прямо отрезана от крестьян помещикам, за остальную крестьяне должны были платить выкупные платежи, т.-е. покупать ее. Правительство очень неохотно проводило как и крестьянскую, так и судебную реформу, земскую и др., которые были ею вызваны. Оно все время колебалось и старалось урезать все, что клонилось в пользу народа.

Так или иначе, но освобождение совершилось и как бы оно ни было умеренно и половинчато, с него, однако, начинается все экономическое и идейное развитие России. Разоряемый податями крестьянин пошел искать заработка в города. Капиталисты рады были его эксплоатировать, и рядом с прочими классами стал подниматься и расти рабочий пролетариат. Но это совершалось медленно, десятками лет, а недостатки освобождения стали чувствоваться с самого начала. Остался прежний, самодержавный государственный строй, прежний азиатский произвол чиновников, прежние стеснения свободы слова, печати, веры и т. д. Полиция продолжала на каждом шагу вмешиваться в жизнь русских людей. Всех больше страдало крестьянство, разоряемое податями и налогами, малоземельное, отчасти даже прикрепленное к земле, потому, что полной свободы передвижения оно не получило. Но оно было темно и забито, а потому не оно почувствовало гнет всего сильнее и не оно первое вступило в прямую борьбу с ним. Все это выпало на долю разночинной интеллигенции, беднейшей, пролетарской части образованных классов.

Разночинная интеллигенция, больше всякого другого класса общества, способна чувствовать тяжесть бесправия отчасти потому, что благодаря своему развитию она яснее видит и сильнее воспринимает все недостатки общественной жизни, а, главным образом, потому, что бесправие угнетает ее в самых важных и жизненных экономических интересах. Стесняя свободу слова, печати, преподавания, самодержавный строй стесняет интеллигенцию и ее труд, которым она живет.

Сталкиваясь на каждом шагу со всевозможными притеснениями и ограничениями, встречая со стороны высших классов тысячи унижений, уступая им на каждом шагу в силу несправедливых преимуществ, интеллигентный пролетариат не мог не протестовать, и его лучшая часть была вовлечена в жестокую борьбу против самодержавного строя. Борьбу эту они вели под знаменем социализма, всегда симпатичного группам неимущих. Чувствуя свою малочисленность и слабость, революционная интеллигенция искала опоры в крестьянстве и стала «народнической», но народ был темен и не поддержал ее. А правительство, пользуясь своими громадными силами, душило ее без пощады ссылками, каторгой, казнями. Доведенные до отчаяния, революционеры прибегли к главному средству—к террору. Они стали убивать шпионов, губернаторов, министров. Завязался страшный поединок, который привел к 1 марта. На казни товарищей революционеры ответили казнью царя. Но эта величественная победа революционеров была началом их поражения. Через каких нибудь 2—3 года партия «Народной Воли» замерла, задушенная в неравной борьбе. Историю делают народные массы, а они не поддержали революционеров. Беспримерный героизм «Народной Воли» при таких условиях не мог спасти ее от поражения.

Что же теперь? Теперь многое изменилось. Рабочий класс пришел на смену интеллигентному пролетариату и, делаясь все сознательнее, за экономической борьбой начинает и политическую, под знаменем социал-демократической партии. Чувствуя в нем опору, теперь революционная и либеральная интеллигенция подымает голову, даже крестьянство выходит из своего застоя и бунтами заявляет о своем праве на лучшую жизнь. Начинается организация новой революционной силы, которая уничтожит самодержавие, — рабочей массы. И в такое то время вновь появляется террор. Совершаются отдельные террористические действия, слышится призыв к террору. Многие думают, что теперь террор, при поддержке масс, легко покончит с политическим гнетом.

Правильно ли это? Мы полагаем, что нет, что прибегать теперь к террору значит не понимать уроков прошлого, которые обошлись так дорого. Историю делают массы, а не герои, но и массы могут быть раздавлены, когда они не организованы, а против них стоит организованная сила. Правительство и высшие классы прекрасно организованы; силы народа только начинают организовываться. Они совершенно не об'единены и героические усилия террористов не могли бы быть успешно поддержаны массами. В этом отношении дело слишком мало изменилось с 1 марта 1881 года.

Теперь все усилия надо направить на об'единение рабочих масс, которые становятся все более револю-

ционными, на создание партии, которая могла бы руководить их действиями,—это первая и главная задача нашего времени. Содействует ли террор ее разрешению? Нет! Террор отвлекает лучшие, самые деятельные силы на бесплодную борьбу против отдельных личностей, губернаторов и министров, которые тотчас сменяются новыми. Для дела организации остается не только гораздо меньше сил, но и меньше внимания, ибо блестящие, но дающие слишком мало, действия террористов отвлекают внимание борцов. А правительство пользуется возобновлением террора, чтобы с диким зверством душить революционное движение. В результате дело организации масс чрезвычайно затрудняется и замедляется.

А оно всего важнее! Пока массы не организованы, террор не может привести к цели, а когда они будут организованы, еще вопрос, понадобится ли он тогда. Разве для развития сил революционной партии не больше дают такие организованные стачки, какие были недавно в Ростове-на-Дону, чем любой блестящий акт террора? Правительство может выследить и истребить отдельных героев, может подавить силой разрозненные движения народа, но оно бессильно против организованных движений рабочих масс.

Надо продолжать дело героев «Народной Воли», но не рабски подражать им.

Пусть в истории русской революции за прекрасными, но траурными страницами борьбы народовольцев следуют не менее славные, но светлые и радостные страницы борьбы социал-демократической.

Долой правительство палачей!
Да здравствует всенародное восстание!
Вечная память погибшим героям-борцам!

1 марта 1903 г.

Северный Рабочий Союз.

*

Приложение VI.

Материалы о Белостокской конференции Р. С.-Д. Р. П. (1902 г., март) [1].

I. Конституирование собрания.

1-й проект резолюции:

Ввиду отсутствия центральной организации, которая могла бы удовлетворительно подготовить в технико-конспиративном отношении 2-й с'езд партии, а также ввиду того, что на собрании не было представлено достаточно организаций, и вопросы не были всеми организациями в достаточной сте-

[1]) Материалы взяты у Бронера (Гурвича) при аресте в Москве 4 апреля 1902 г.

пени разработаны, собрание об'являет себя предварительной конференцией, имеющей целью подготовить в ближайшем будущем созыв такого с'езда, положить начало фактическому об'единению партии и решить неотложные практические задачи.

За: Ю. ЗБ. С. (Южный Союз, Заграничный Комитет Бунда. Заграничный Союз).

Против: И. Е. П. (Искра. Екатеринослав. Петербург).

Воздержались: ЦБ. (Центральный Комитет Бунда).

Отклонена.

Проект представителя «И».

Принимая во внимание, что, благодаря отсутствию более или менее широкой партийной деятельности в последние годы, не выработалась еще такая общепартийная организация, которая бы в столь короткий срок могла удовлетворительно подготовить в программном и технико-конспиративном отношении 2-й с'езд Р. С.-Д. Р. П., а также принимая во внимание, что на собрании не было представлено достаточно организаций, и вопросы не были всеми организациями в достаточной степени разработаны, собрание об'являет себя предварительной конференцией, имеющей целью подготовить в ближайшем будущем созыв такого с'езда, положить начало фактическому об'единению партии и решить неотложные практические задачи.

За: И. ЗБ. Е.

Против: П. С. Ю.

Воздержались: ЦБ.

Отклонена.

Принято единогласно решение об'явить собрание конференцией.

II. Принципиальная резолюция.

1) Проект представителя «Искры».

Признавая в согласии с манифестом 1 с'езда Р. С.-Д. Р. П. основные принципы революц. международн. соц.-демократии, конференция безусловно отвергает всякие попытки внесения оппортунизма в классовое движение пролетариата, выразившиеся в так называемом экономизме, бернштейнианстве, мильеранизме, и признает, что задача партии состоит в выражении конечных интересов пролетариата во всей их полноте и руководстве борьбою пролетариата во всех ее проявлениях. Признавая, что ближайшей задачей русской социал-демократии является низвержение самодержавия; конференция безусловно отвергает все попытки сузить социал-демократиче-

скую борьбу под предлогом необходимости или особых преимуществ непосредственной связи политической борьбы рабочих с борьбою их за лучшие условия труда. Исходя из этих принципов и принимая во внимание условия деятельности в России, конференция признает безусловно необходимым создание крепко сплоченной, централизованной боевой партийной организации, которая одна только способна поставить массовое движение пролетариата на высоту исторических задач, выпадающих на его долю, и обеспечить за ним возможно большую сумму силы и влияние в момент крушения самодержавного режима. Лучшим способом для того, чтобы положить начало такой организации и поставить политическую деятельность партии на надлежащую высоту, конференция считает создание общепартийного органа на почве постановки и распространения которого скорее всего возникнет единство действующих в России социал-демократических групп. "

За: И.

Против: Ю. ЦБ. П. С.

Воздержались: Е.

Отклонена.

2) Проект представителя Южного Союза.

В соответствии с характером деятельности тех организаций, делегаты которых участвуют в настоящей конференции, последняя, исходя из принципов научного социализма и согласно с манифестом партии, заявляет: ближайшая задача нашей партии—превращение рабочего класса в политическую боевую силу, способную взять на себя гегемонию в борьбе за политическое освобождение России, как предварительную ступень на пути к полной эмансипации рабочего класса. Средствами для этого являются: а) под'ем политического и классового сознания рабочей массы на высоту понимания своих политических и социалистических задач путем агитационного воздействия, освещающего все более или менее существенные явления социально-политической жизни России; б) вовлечение рабочих в активную борьбу с современным режимом и руководство всеми проявлениями их борьбы против всех форм эксплоатации и угнетения.

Во всей партийной деятельности мы должны, руководясь конечной целью социал-демократического движения в целом, углублять и расширять задачи, поставляемые себе борющейся рабочей массой и демократическими элементами общества, постоянно выдвигая и подчеркивая политический характер этой борьбы и в то же время сохраняя за нашим движением классовый характер.

Для осуществления этих задач в высшей степени необходимой и неотлагательной потребностью является создание прочной партийной организации, могущей сообщить социал-демократическому движению единство, принципиальную выдержанность и практическую жизнеспособность.

За: Ю. С.

Против: И. ЦБ. Е. ЗБ. П.

Отклонена.

3) Проект Екатеринославского представителя.

Конференция признает, что Р. С.-Д. Р. П., как передовой отряд рабочего класса в борьбе за его политическое и экономическое освобождение, должна твердо держаться принципов научного социализма и революционной социал-демократии. Путем агитации и пропаганды внедрить и расширить в рабочих массах массовое и политическое самосознание, вовлекать рабочую массу на путь широкой борьбы за свержение политического и социального гнета во всех его проявлениях и прежде всего для свержения русского самодержавия; об'единить революционный пролетариат в цельную организацию, в партию, способную взять на себя гегемонию в политической и социал-демократической борьбе над революционной частью других классов и удержать ее после победы и, наконец, руководить этой борьбой постоянно, углубляя и расширяя ее задачи и предохраняя ее от компромиссов и уклонений от принципов и программы революционной социал-демократии до полной и окончательной победы.

За: Е.

Против: Ю. ЦБ. П. С.

Воздержались ЗБ.

Отклонена.

4) Проект представителей Ц. К. Бунда.

Признавая в согласии с манифестом 1-го с'езда Р. С.-Д. Р. П. основные принципы международной революционной социал-демократии, конференция считает, что ближайшая задача нашей партии—низвержение самодержавия и обеспечение за российской социал-демократией гегемонии в борьбе за политическое освобождение России, которое является необходимым предварительным условием для полного социального освобождения рабочего класса. Для достижения как ближайшей цели, так и конечных наших социалистических идеалов, конференция считает ближайшей практической задачей российской социал-демократии создание крепко сплоченной боевой партийной организации, деятельность которой должна

выражаться: а) в руководстве всеми проявлениями борьбы пролетариата против всех форм угнетения политического, экономического, национального и т. д.—в целях превращения недовольства и возмущения рабочего класса в сознательную борьбу за демократическую республику и социалистический строй; б) поддержке, углублении и использовании всех направленных против существующего строя прогрессивных движений в интересах развития политического и классового сознания пролетариата и борьбы за демократию; в) распространении идей научного социализма, обосновании и развитии социалистической теории и идейной борьбы со всеми попытками уклониться от этой теории или сузить ее понимание.

За: И. ЦБ. Е. ЗБ. П.

Против: Ю. С.

Принять в качестве основы для окончательной резолюции.

Поправки Ю. С.

1) Пункт б изложить так:

Использовании всех направленных против существующего политического строя прогрессивных течений в интересах развития политического и классового сознания пролетариата и расширения рамок борьбы за демократию, поддержке и углублению этих течений для обеспечения за социал-демократической партией руководящей роли в борьбе за политическую свободу и наибольшей силы и влияния в момент крушения самодержавия.

2) Последнюю часть пункта в изложить так:

Идейной борьбе со всеми попытками уклониться от революции.

За: Ю. Е. П. С.

Против: И. ЦБ. ЗБ.

Голосование всей резолюции с поправками:

За: Ю. Е. П. С.

Против: И. ЦБ. ЗБ.

Заявление представителя «Искры»:

«Считая безусловно необходимым в интересах развития партии открытое признание недостатков и недочетов нашей партийной деятельности, я тем не менее в интересах единства полагал возможным голосовать за принципиальную резолюцию в том виде, как она была предложена представителем Ц. К. Бунда, хотя признание это и не было выражено в ней в категорической форме, но поправки, отчасти принципиально неверные, отчасти двусмысленные, внесенные в первона-

чальный текст по решению большинства, заставили меня при окончательном голосовании подать голос против решения.

*

Приложение VII.

№ 2965. Совершенно секретно.

Министерство Внутренних Дел.

Департамент полиции. По особому отделу. 18 апреля 1902 года.

№ 2916.

Господину начальнику Московского Губернского Жандармского Управления.

Путем агентурного обследования и наружного наблюдения филеров «Летучего Отряда Департамента Полиции» в городах Ярославле, Костроме и Владимире-на Клязьме намечен состав местных социал-демократических организаций направления «Искра», связанных взаимно между собой под общим наименованием «Северного Рабочего Союза».

Ввиду полученных ныне указаний, что в течение минувшей Страстной и Пасхальной недель «комитеты» означенных организаций усиленно занимаются изготовлением воззваний, приглашающих рабочих и интеллигентов к празднованию 1 мая старого стиля, которые предполагается разбросать на фабриках и заводах в конце текущей недели или в начале будущей,— представляется необходимым в предупреждение беспорядков безотлагательно приступить к ликвидации наблюдения в вышепоименованных трех городах.

Вследствие изложенного, Департамент Полиции имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о безотлагательном командировании в города Ярославль, Кострому и Владимир-на-Клязьме для общего руководства обысками и арестами состоящего при вверенном Вам Управлении ротмистра Герарди, предложив ему по прибытии на места вручить прилагаемые при сем конфиденциальные письма полковникам Филатьеву, Кемпе и Ковальскому.

Сообщая об изложенном и сделав вместе с сим по вышеозначенному предмету надлежащее сношение со Штабом отдельного корпуса жандармов, Департамент Полиции просит Ваше Превосходительство предложить ротмистру Герарди обратиться за получением необходимых ему сведений и ближайших раз'яснений к начальнику Московского Охранного Отделения». Директор Зволянский.

Приложение VIII.

Директору департамента полиции к № 296. Краткая записка по делу о Северном Рабочем Союзе [1]).

Северный Рабочий Союз, так называемый Северный Союз Р. С.-Д. Раб. Партии, возник во втором полугодии 1901 года после второго С'езда социал-демократических деятелей Ярославской, Костромской, Владимирской губерний, когда была выработана подробная программа [2]), в которой изложена цель Союза и образ его действий.

Основной целью Союза было об'единение революционной борьбы и руководительства социал-демократическим движением северных губерний России, в состав которого входили комитеты Ярославский, Костромской и Иваново-Вознесенский, а в состав Центрального Комитета Союза входили представители нескольких комитетов, во главе с Варенцовой, Дюбюком, Новицкой [3]), Вайсманом, Багаевым, Паниным. Деятельность Союза (не успев так за короткое время развернуться и окрепнуть и потерпевши разгром в самом начале своего существования) успела выразиться лишь в связующих сношениях с местными комитетами, в снабжении их нелегальной литературой и в приобретении типографского станка с принадлежностями, затем в сношениях с заграничными центрами «Искры» и ее агентами. Союз, очевидно, успел уже получить значительный транспорт нелегальных изданий и снабдить таковыми районных представителей, так как у Дубровского, главного сотрудника Багаева, по обыску было отобрано 166 экземпляров «Искры» и 17 других преступных изданий, переданных ему Багаевым, который до обыска успел снабдить такой же литературой Ковров, Иваново-Вознесенск и другие рабочие центры.

Местные комитеты проявили свою деятельность пропагандой среди рабочих, собиранием денег в пользу комитетов, организацией рабочих кружков и руководительством кружковой деятельностью, а также в тектографировании разных преступных листков.

Вообще, несмотря на кратковременную деятельность С. Р. С., не успевшего еще пустить глубоких корней пропаганды в рабочую массу, крайнюю конспиративность организации и запирательство огромного большинства лиц, привлеченных к дознанию, отказавшихся давать какие-либо показания, все же удалось формально выяснить до некоторой

---

[1]) Заключение жандармского дознания. *О. В.*

[2]) Подробная программа была принята на с'езде в Воронеже в начале января 1902 года. В августе же 1901 года состоялось совещание в Кинешме.

[3]) Е. Н. Новицкая ни в Центральный Комитет «Северного Союза», ни в Ярославский Комитет не входила.

степени роль каждого из участников в преступной организации.

Более живой первой организацией является Ярославская: здесь работает успешно, но крайне осторожно Новицкая, «женщина опытная, с большим политическим прошлым» (так о ней отзываются знавшие ее), «бывавшая заграницей с конспиративными целями». К ней является с преступной целью из Воронежа фотограф Рутковский, который по ее просьбе укрывается Трегубовым. У нее же был представитель «Искры» Гурвич, после партийного С'езда в Белостоке, хотя он направлен был к Варенцовой, к которой предварительно приводила Гурвича Ольга Дидрикиль, в Ярославле же проживала Варенцова, главный деятель Ярославского и Центрального Комитета. У ней обнаружен заграничный адрес редакции «Искры», она поддерживала и вела сношения с Костромой и Иваново-Вознесенском, снабдила Панина адресом Богданова и Завариных (Сперанской, жившей в одной усадьбе со своими братьями Завариными), у которых впоследствии Панин как раз во время водворения типографии в Костроме обнаружена типография,—если же принять во внимание, что был у Богданова, то будет естественно заключить, что Варенцова была осведомлена о направлении типографии, если не больше того. Варенцова же поддерживала сношения с Иваново-Вознесенском через рабочих Новикова и Яшина, привозивших оттуда нелегальную литературу, и сама посещала Иваново-Вознесенск. Здесь же в Ярославле был Дюбюк, постоянно бывавший у Новицкой, снабжавший других нелегальщиной, принадлежавшей Союзу (и видевшийся у Новицкой с Гурвичем по агентурным сведениям).

Затем Кострома является серьезным центром распропагандирования рабочих, и здесь же помещена была типография, предназначенная для преступной работы Союза, почему и направлен был сюда в качестве наборщика Вайсман, который вместе с тем работал по водворению сюда типографии, для чего как раз в это время из Костромы ездил в Ярославль и Иваново-Вознесенск, а до водворения типографии занимался вместе с Зароховичем (он сначала привлечен в Костроме) пропагандой среди рабочих и распространял нелегальщину; здесь же работали Александрова, Иван Александров, Богданов и другие, образовав большие рабочие кружки, участники коих также привлечены к сему дознанию.

Деятельность Союза во Владимире, как непромышленном центре, где рабочее население почти отсутствует, приняла несколько иной характер.

Здесь пропаганда шла среди интеллигентов, служащих в земской управе. Районный представитель Союза Багаев, полуинтеллигент из рабочих, хотя горячий поборник преступных идей, но человек недалекий и без образовательной подготовки,

не мог с надлежащим успехом вести дело и избрал в сотрудники себе Дубровского, который за короткое время с успехом начал собирать деньги в пользу Союза, взамен чего давались для прочтения подпольные издания, принадлежавшие Союзу. Образовавшимся во Владимире кружком устраивались вечеринки, на которых велись беседы, а у Тихомирова Багаев прочел реферат на тему «О роли интеллигенции в освободительном движении рабочего класса», вызвавший большие прения. Багаев, получая нелегальщину, развозил ее преимущественно в рабочие центры губернии, так как во Владимире большого сбыта не могло быть. Связь Союза с Иваново-Вознесенском выразилась в сношениях центрального состава с руководителем Иваново-Вознесенского Комитета Паниным, у которого и отобрана программа Союза, посланная ему из Ярославля для ознакомления и содействия.

Роль в Северном Рабочем Союзе группы воронежцев, так называемых американцев, хотя по агентурным сведениям серьезна в том смысле, что Воронеж служил для связи, откуда направлялись на север как люди, так и нелегальная литература, но для настоящего формального дознания так мало было данных для уличения всех привлеченных, что едва удалось установить конспиративное посещение Рутковским Ярославля, где он был у Новицкой и Варенцовой, при чем Новицкая просила Трегубова принять его для ночлега. Деятельность же Рутковского устанавливается при губ. Воронежск. Жандармском Управлении и связи его с Любимовым, Костеркиным, Карповым и Карташевым дополняют и эти данные для определения цели его поездки в Ярославль.

Приложение IX.

Копия к № 6217. Совершенно секретно.

Агентурные сведения по дознанию о Северном Союзе.

Северный Союз Российской социал-демократической рабочей партии образовался в августе 1901 года на втором с'езде социал-демократических деятелей Ярославской, Костромской и Владимирской губерний. Тогда же была выработана программа (краткая) и «Устав», подробно разработанный. Цель Союза—об'единение революционной борьбы и руководительство социал-демократическим движением на Севере России. Организация составилась из Комитетов Ярославского, Костромского и Иваново-Вознесенского. С'ездом был избран Центральный Комитет, который назначил районных представителей для сношений с избранниками местных комитетов. Центральный Комитет имеет право созывать, не менее одного раза в год, с'езды и должен целиком входить в состав оного. Комитеты отчисляют 50% своих доходов в кассу Союза.

В настоящее время в состав Центрального Комитета входят: учительница Ольга Афанасьевна Варенцова, земский лесник Дюбюк, нелегальный еврей Александр и рабочий Михаил Александров Багаев. Членами Ярославского Комитета являются упомянутые Варенцова, Александр и Дюбюк, а также статистик Алексей Александров Лактин, нелегальный еврей Длусский (или Лусский), недавно арестованный под именем «Николая Антоновича Лужанского» [1]. Костромской Комитет составляют: лесник Николай Павлович Богданов, учительница Мария Сергеевна Александрова, рожденная Веселова, гласноподнадзорный рабочий Александров, бывший семинарист Василий Павлович и брат его Александр Павлович Заварины. В Иваново-Вознесенске в настоящее время Комитета не существует, ибо главный его деятель нелегальный Николай Николаевич Панин недавно арестован под именем «Гаврилы Петровича».

Деятельность Северного Союза выразилась в связующих сношениях с местными Комитетами, снабжении их нелегальной литературой, приобретении типографии (затрачено около ста рублей) и установлении прочной связи с заграничным центром «Искры» и ее отдельными агентами. Северный Союз до сего времени не выступал официально, опасаясь погрома и желая прежде всего окрепнуть; конституирование его предполагается сделать после первого мая. Центральный Комитет выписал уже несколько транспортов нелегальной литературы, из коих последний был получен в феврале месяце. Часть изданий была уделена Иваново-Вознесенску. К 1 мая Комитет заказал редакции «Искра» 10 тыс. общепартийных воззваний, которые предполагается распространить во всех крупных городах союзнического района в конце текущего апреля (числа 22).

Работа отдельных Комитетов сводилась, главным образом, на социал-демократическую пропаганду среди фабричных рабочих, образование среди них кружков с кассами, снабжение их нелегальными изданиями, сборы денег и гектографирование листков.

Северный Союз вообще чувствует большой недостаток в интеллигентных силах, а после недавних арестов (в Ярославле, Ив.-Вознесенске) значительно поредели и рабочие кадры. Союз располагает распропагандированными рабочими и в других фабрично-заводских центрах (Гусь, Орехово-Зуево, Ковров), но они имеют лишь стать ячейками будущих групп, а относительно других пунктов, каковы: Киржач, Тейково, Нерехта, Новки и проч., существуют лишь одни пожелания.

---

[1]) Разыскиваемый Хаим Герш Мовшев Вайсман, цирк. 1 марта 1902 года за № 1514.

Ярославский комитет.

Собственно основателем его считается бывший студент Александр Петрович Доливо-Добровольский, находящийся ныне в Оренбурге и собирающийся оттуда скрыться за границу. Восстановили Комитет после январского погрома прошлого года Варенцова и переселившийся из Ив.-Вознесенска Длусский. Затем примкнули Александр и Дюбюк. Последний редактирует все комитетские воззвания, которые пишет хорошо, просто; гектографировать большой охотник Александр. Один листок для Ярославля изготовлен был костромичами. Пропагандой занимались все, но больше всего Варенцова (под именем «Марии Ивановны») и Николай Антонович. Рабочие собирались у последнего в комнате, где прежде жил высланный студент Рабинович, и у Александра. Говорят, рабочий Калинин, только что принятый в кружок, будучи арестован, указал место собраний. Когда Корзинкинскую фабрику забросали прокламациями, начались аресты и задержанный рабочий Николай Новожилов многих оговорил. Большие услуги Комитету оказывал студент Кедров, жертвовавший ежемесячно 30 р. в кассу Комитета, что он намерен и впредь делать (привлечен по пустому студ. делу, на-днях освобожден и выехал в Москву).

8 и 9 марта Комитет думал, пользуясь многолюдием ярмарки, устроить демонстрацию, заготовил 400 листков (гектографировали в Костроме), но студенты обманули—отказались от участия. Вообще, среди лицеистов теперь «хороших» людей мало, хотя у них еще существует группа, располагающая папирографом.

Между железнодорожными рабочими удалось организовать кружок. Много комитетских поручений исполняет немка Ольга Августова Дидрикиль и ее сестра, счетчица редакции «Северный Край», Мария Августовна Дидрикиль. (Обещала быть полезной и окончившая гимназию Нина Дидрикиль, собирающаяся на медицинские курсы, но она выехала в Пермь). Алексей Лактин, которого очень берегут, успешно собирает деньги. Кн. Дмитрий Шаховской, кажется, только два раза пожертвовал по 5 рублей. Статистик Николай Михайлов Трегубов, живущий в доме Нелидова, на углу Рождественской и Ильинской ул., принимает иногда на хранение комитетскую нелегальщину и дает ночлег проезжим революционерам, например, Валериану Александровичу Рутковскому, которого называют «фотографом». Для тех же целей предоставляет свою квартиру и статистик Петров, живущий на углу Борисоглебской и Духовской ул. Адресом Ольги Николаевой Алексеевой, живущей при матери своей во дворе дома Ланина, по Любимовской ул., пользуются для отыскания Варенцовой (Алексеева состоит в гимназическом кружке, но

инертна, ее преследует мать, сжегшая как-то партию брошюр и грозившая доносом). Наиболее безопасной для всяких конспиративных свиданий теперь остается комната (которой чаще всего и пользуются) статистички Екатерины Николаевой Новицкой, живущей в доме Белявина, по Любимовской ул. (явочный адрес Варенцовой). В крайнем случае не отказывает в ночлеге и заведывающий статистическим бюро Клементий Воробьев. Секретная переписка с Комитетом ведется по адресу: Ярославль, Статистическое Бюро Губернской Земской Управы. Островидовой.

В настоящее время Ярославский Комитет спешно занят изготовлением на гектографе воззваний от своего имени по поводу 1-го мая и годовщины расстрела рабочих на Корзинкинской фабрике, которые будут разбросаны в четверг на Страстной неделе, в момент окончания работ на фабриках. Призыва к демонстрации теперь же не будет. Если заграничные общепартийные прокламации во-время получены не будут, то в конце апреля Комитет выпустит то же воззвание в своем издании и, по возможности, в значительном количестве.

Костромской комитет.

Возник он из группы социал-демократов, выпустившей в прошлом году одно или два воззвания. Более или менее правильно функционировать он стал лишь от минувшего ноября месяца. Ранее пропагандой среди рабочих занимался некий «Сергей Васильевич» [1]), который, однако, уехал, не передав связей. Потом его делом занимался какой-то Егор [2]). Из прежних деятелей в состав теперешнего Комитета вошел лишь один человек—основатель рабочей кассы. Самыми деятельнейшими членами теперь являются: бывший студент Лесного института Николай Николаев Богданов, петербургский рабочий Александров (Николай Эразмов) и давно известная Мария Александрова. Благодаря стараниям Богданова, комитетская касса располагает теперь 340 руб., 25 руб. из нее было уплачено на расходы по приобретению типографии, 10—12 р. выдаются теперь ежемесячно нелегальному Александру, не имеющему занятий. Рабочая касса бедна, ибо членские взносы крайне неаккуратны. Комитет имеет библиотечку-архив революционных изданий, в числе коих есть «Эрфуртская программа» (2 экз.), «Коммунистический Манифест» (2 экз.) и т. п. сочинения. Подбор легальных книг рабочие растащили, «зачитывая» их. Распропагандированных рабочих, составляющих группу, не более 20-ти. Из них интересен бывший народоволец, 52-летний Кирсанов (сын его тоже в кружке), и дочь извозчика, ткачиха Гусева, у которой происходят собрания. Внимание пропагандистов обращено на крупнейшие местные фабрики: Ка-

---

1) Содержащийся ныне в Петр. крепости двор. Сергей Вас. *Антропов.*
2) Мещанин Егор Егоров *Иванов.*

шина (6—7 т.), Зотова (3 т.), Пряничникова и Бельгийского Общества [1]). Так как названные предприятия сокращают за последнее время деятельность свою, то среди рабочих замечается повышенное настроение, которым Комитет при случае воспользуется в своих видах. За время своего существования Комитет, располагающий четырьмя тектографами, выпустил 6 или 7 серий листков на разные темы («К рабочим фабрики Пряничникова», «К новому году», «К офицерам») и брошюрку «Как держать себя на допросах и в тюрьме». Комитет жалуется на то, что союз мало заботится о снабжении Костромы нелегальной литературой, в которой ощущается большой недостаток; нет например, классического произведения Плеханова «Социализм и политическая борьба», исторического сборника «За сто лет», номера первого «Рабочего Дела» и проч. «Искра» имеется только по 15-й номер, зато есть «Свобода», которая очень нравится рабочим, и два экземпляра брошюры «Возрождение революционизма», одобряемой интеллигентами. № 2—3 «Зари» только что получился и его берут нарасхват. Архив Комитета хранится в безопасном месте, с которым сношения ведутся через Александра Павловича Заварина, живущего в своем доме. Конспиративную переписку и посылки Комитет получает по двум адресам: «Мещанская улица, казенная винная лавка, Екатерине Павловне Сперанской» и «Соборный дом, Анне Александровой Копосовой» (последним очень дорожат). В издании листков, помимо Александровой, принимают личное участие сестры Анна Константиновна и Софья Константинова З а г а й н о в ы. Трафаретки для гектографа пишут Богданов (особенно артистически, сходит до 150 экз.), Александрова, Загайнова Софья и еще 2—3 человека. Услуги этого рода не прочь оказать техник М а с л е н н и к о в и два ученика Чижовского училища. На-днях выпустят листок по поводу стачки мотальщиц на Бельгийской фабрике. Теперь заготовляется до 1.000 оттисков майских листков от Комитета (с изображением двух флагов) и брошюры о политической свободе, которую думают озаглавить «Чего нам добиваться». Эти издания будут распространены в среду на Страстной неделе. К 18 апреля предполагается оттиснуть и разбросать «Офицерскую памятку» Льва Толстого и, может быть, воззвание по поводу убийства министра Сипягина. К 1 мая старого стиля пустят в обращение майский партийный листок, если его пришлют из-за границы, или свой оттиск оного. После этого имеют в виду заняться, главным образом, пропагандой среди рабочих, так как летнее приволье позволяет устраивать безбоязнен-

[1]) Беседами с рабочими занимаются Александров, Александрова-«Александр», перекочевавший из Костромы после арестов, и Василий Заварин. Читают Энгельса, Каутского довольно бессистемно. Собираются человек по 7-ми; деления на группы нет; прозелиты вербуются туго потому будто бы, что строг выбор.

но собрания в окружающих Кострому рощах и на волжских островах. Между костромичами и ярославцами существует некоторый антагонизм, так как первые, благодаря Богданову и Александровой, заметно тяготеют к «рабочедельцам». Связи у Комитета с Владимиром не имеется, а с Петербургом они недавно порвались. В Нерехте надеются завести кружок при содействии рабочего Ячменникова, который высылается в упомянутый город под особый надзор полиции. Хотя Костромской Комитет и страдает малочисленностью, но члены его бодры и работают энергично.

Иваново-Вознесенский комитет.

Социал-демократическое движение в этом русском Манчестере считает за собой уже десяток лет. Кажется, в последние годы там подвизался Владимир Александров Носков, пользующийся широкой известностью и в Ярославле, и в Костроме, и в Воронеже, откуда в настоящем году он скрылся за границу, где ныне находится в числе немногих избранных в конспиративной колонии эмигрантов, составляющей редакцию «Искры». В Иванове выросла и разработалась Ольга Варенцова, имеющая там очень близких людей в рабочей среде. Заместителем ее явился некий Николай Николаевич Панин, который до марта месяца сего года руководил всем местным движением, являясь и комитетчиком и районным представителем Северного Союза. Он жил под видом коммерческого человека и назывался «Гавриилом Петровичем», под каковым именем и арестован. У него, говорят, отобраны гектографы и много нелегальных изданий; что он нелегальный, власти, кажется, этого не знают. Провал Панина с его кружком в Союзе признают за большое несчастье и готовы приложить все усилия, чтобы высвободить его. У Панина хранились запасные части печатни, поступившие затем в распоряжение Северного Союза. Конспиративных квартир, после последнего погрома, ни одной не уцелело; одна из таковых, служившая с давнего времени, хотя и не провалилась, но содержавшая ее девица, по домашним обстоятельствам, переселилась теперь в Москву. Сильный ущерб иваново-вознесенская группа понесла еще от высылки около 20-ти рабочих по приговору за майское дело прошлого года. Очень радуются, что выдавший многих, уже пропечатанный, рабочий Жаров, присужден к высшей мере наказания—1 году отсидки. Наиболее надежными из числа отбывающих наказание считаются Гречин и Киселев. Тем не менее «сознательных рабочих» в Иванове осталось не мало, и Ольга Варенцова надеется, побывши там на Пасхе, организовать вновь комитет и даже попытаться устроить 1 мая демонстрацию, пригласив на таковую особыми воззваниями, которые сфабрикует Центральный комитет.

Воронежская группа «американцев».

Тесный кружок проживающих под надзором в Воронеже бывших студентов—Николая Николаева Кардашева, Алексея Иванова Любимова, Валерия Александрова Рутковского, Льва Яковлева Карпова и Дмитрия Васильева Костеркина, с легкой руки Перелешина прозвали «американцами». Все упомянутые лица принимали живейшее участие в судьбе Северного Союза, при чем Кардашев лично работал для него в Ярославле и Костроме, а Рутковский отвозил туда нелегальную литературу и в самый день задержания своего (ночь на 31 марта) только что вернулся из Ярославля. Кардашев же направил на Север «Александра», бывшего члена Южной революционной группы в Одессе и жившего прежде в Кишиневе. У «американцев» в марте месяце перебывало 5 человек нелегальных искровцев, из коих один известен под кличкой «Бродяга», а другой представитель редакции «Искры», (приехавший от них прямо на общепартийный с'езд, посетивший затем Ярославль (Ольгу Варенцову) и задержанный 4 апреля по возвращении в Москву (назвался врачом Вульфом Моисеевым Бронером).

Из вышеупомянутых лиц Кардашев, видимо, лично изучивший Север, всего лучше знаком с тамошними условиями революционной работы и трудностями пропаганды и малолюдием; поэтому он и старался направить туда возможно более серьезных деятелей. Любимов, проводивший большую часть времени у своего закадычного приятеля Карпова, поддерживал связи с заграницей и самарским агентом «Искры». Кардашев же выписал из Керчи Михаила Александровича Багаева, поселившегося во Владимире (без прописки пока, ибо он ограничен в правах жительства), который, являясь членом Центрального Комитета Северного Союза, через секретаря местной Губернской Земской Управы Александра Савина Панкратова, живущего близ Троицкой улицы в доме Декамполитова, ведет конспиративную корреспонденцию с Комитетами и Лигой русской революционной социал-демократии. Явкой к «американцам», как известно, служит адрес жены бывшего ссыльного врача Софьи Александровой Мартыновой, рожденной Перелешиной, живущей с мужем и братом в собственном доме, на Садовой улице. У названных Мартыновых за все время нахождения Ольги Варенцовой в Воронеже (в прошлом году) частенько бывала старая народоволка Екатерина Константиновна Брешковская, постоянно раз'езжающая и проповедующая террор. У Мартыновых же Богучарский (Василий Яковлев Яковлев) читал как-то реферат о Герцене, вызвавший горячий спор об общине между народниками и марксистами. То обстоятельство, что «американцы», находясь в Воронеже, совершенно игнорировали местную революционную деятельность и даже не пытались пропаганди-

ровать среди железнодорожных рабочих, имеющихся там в значительном количестве, им в вину не ставилось, так как они многое делали для Северного Союза, поддерживая связи с Югом. Группа «американцев» была чисто искровской и о посещении Воронежа в ноябре минувшего года делегатом Заграничного союза русских социал-демократов они вспоминают, как о забавном эпизоде. На собрании, созванном этим «Михелем», присутствовавшие Любимов, Носков и др. осмеяли гостя и обесславили его.

Отдельные характеристики более выдающихся лиц.

Варенцова Ольга Афанасьева. Тщедушная, за 30 лет, служит в Статистическом бюро. Выдержанная, уравновешенная натура; заядлая социал-демократка искровского толка. Много поработала в Ив.-Вознесенске, жила в Перми, где слушала лекции старого народовольца Аптекмана, в Харькове, где у нее теперь есть рабочий Дмитрий Семенович Яшин, на которого она возлагает большие надежды, и в Воронеже, где она бывала у Мартыновых, виделась с Брешковской, ругалась с народовольческим болтуном Прозоровским и сдружилась с «американцами». Переселившись в Ярославль и вступив в местный социал-демократический комитет, она явилась адептом Северного Союза, участвуя на с'ездах деятелей оного, а равно в выработке программы и устава его. Лично ведет постоянную пропаганду среди рабочих, из коих многие могли бы опознать ее; боится, что если возьмут слесаря (?) Масленникова, которого прислал в Ярославль «Гавриил Петрович» (Панин), то он может своей болтовней обнаружить ее тесные связи с Ив.-Вознесенском. Занималась сама и тектографированием и разбрасыванием преступных воззваний. Ездила не раз в Кострому к Богданову, которому писала содой-шифром и посылает документы (недавно отправила отчет общепартийной конференции) по адресу Сперанской (упомянутой раньше). Одобрила приобретение типографии, вызволила на это у Центрального Комитета С. С., первейшим членом коего она состоит, денег, но заявила, что «в технике ничего не понимает». Ездила к работавшему когда-то в народовольческой (Лахтинской) типографии рабочему Шаповалову с предложением пойти к Союзу в наборщики, но тот оказался больным (ревматизм). Наиболее оживленные деловые сношения у нее с Доливо-Добровольским, Носковым, Кардашевым, Паниным, Багаевым, Рутковским. (Лесник Дюбюк, Лактин, Новицкая, Дидрикиль, Александр и Николай Антонович—ее ближайшие сотрудники по Ярославскому Комитету). Ждет, вследствие последнего провала, обыска, домой к себе никого не принимает, все свидания устраивает у Новицкой, во все посвященной. Имела приглашение от Петербургского Комитета на партийный с'езд, но не получила точных указаний на время и

место оного. Получила как-то предложение от заграничной группы террористов высказаться от имени Северного Союза «надлежащим образом» в случае событий пропаганды фактами. Горюет, что на границе пропали печати Северного Союза, которые везли с литературой (арестованный в Вержболове Николай Таланов). 2 апреля имела свидание с представителем редакции «Искры» (Бронер), который вручил ей, для снятия копий, постановления конференции, принятый ею проект майского воззвания, а также брошюру «Что делать» и др. Получила как-то из Нижнего-Новгорода, где у нее есть знакомый бывш. студент трех университетов Буякович, предложение выписать, пользуясь оказией, из-за границы подбор нелегальщины, дала список, сто рублей, ждала месяц, другой, третий и едва деньги обратно выручила. Варенцова корреспондирует в «Искру» (писала, например, об избиении лицеистов), посылая сообщение по адресу Нюренберга, Гетцелю (?). Секретную корреспонденцию получает на Островидову. После разброски (10 апреля) майских листков, поедет в Ив.-Вознесенск и др. пункты. Летом думает отдохнуть. В случае ареста своего, для продолжения дела, рекомендует, как верных людей: рабочего табачной фабрики Вахрамеева в Ярославле Василия Новикова (еще мальчик, но готовый на все); столяра Глазунова и рессорщика Моргунова, служащих в железнодорожных мастерских станции Московской линии и живущих в доме Крекшина, по Новой Слободке (сказать от Дмитрия Семеновича Яшина, но про Варенцову, которую они знают, как Марью Ивановну, не говорить); рабочих Корзинкинской мануфактуры Василия Ермакова и кузнеца Потехина; ткача фабрики Скорынина, около Гарелинской платформы, Шуйско-Ивановской железнодорожной линии, Ивана Васильева Кудряшева (Варенцова с ним в переписке) и находящегося еще под арестом щипальщика Василия Вараксина. Во Владимире, по заявлению Варенцовой, все может дать член Центрального Комитета и районный представитель Союза, упоминавшийся выше Михаил Багаев (революционная кличка «Медведь»), человек, впрочем, семейный и страдающий малярией.

Чтобы отыскать Варенцову—обращаются чаще всего к Новицкой, редко к Алексеевой, иногда в Бюро, или Марии Дидрикиль. Пароль «самовар», ответ «огурец». Варенцова принципиально против террора. Знает о существовании в Саратове кружка народовольцев. Была знакома с Ивановым (Косым Владимирцем).

Д ю б ю к, член Центрального и Ярославского Комитетов, редактор воззваний; пропагандист; жена его недавно ездила в Москву, откуда вернулась с «хвостом» (вздор); брат студент выслан. Окончил курс в Лесном институте, служит в земстве. Очень осторожен. Даже на свидания в кварт. Новицкой соглашается неохотно. На Пасху поедет к матери во Владимир.

Лактин, Алексей Александрович, служит в Земском Статистическом Бюро. Имеет обширное знакомство. Кассир Ярославского Комитета. Надеются, что он уцелеет.

Длусский (еврей с Юга), именовался Николаем Антоновичем; бывший член Ярославского Комитета, арестован; думают, что нелегальность его неизвестна. Ярый, но не достаточно осторожный пропагандист, работал в Ив.-Вознесенске. Друг нелегального Александра, знакомый Панина.

«Александр», еврей, прибывший с Юга месяцев шесть тому назад. Брюнет, горбоносый, характерная внешность жида. Живя в Кишиневе, участвовал в демонстрации по случаю высылки Домбровского. Прокурор, наблюдавший за дознанием по делу Длусского, говорит, что «мы знаем другого, да не найдем». Александр жил у офицера, которого допрашивали, но он будто бы умышленно дал описание внешности своего жильца противоположное действительности. Александр был где-то печатальщиком, хвалился, что за 50 рублей устроит печатню, но в союзную типографию не пошел, говоря, что не знаком с набором. Он, кажется, перевез в Кострому станок и шрифт, лежавшие у Панина. Любит заниматься гектографированием и сияет при появлении нового листка. Провалившись в Ярославле, перебрался в Кострому, где на две недели Александрова устроила его у статистика Колокольцева, почти против воли последнего. После Александр жил у старухи, прописавшись писцом. Занятий определенных не имел, принимал участие в Костромском Комитете, вел беседы с рабочими (под именем Богдана), но влияния на них не приобрел. Живет на комитетские деньги. Вообще Александр вызывает некоторое неудовольствие своей привычкой таскаться по знакомым и недостаточной осторожностью действий. Плохо пишет и отчаянно перевирал фамилию Островидовой (в конспиративном адресе ярославцев). Его знают: Богданов, Александров, Загайновы, «американцы» и, вероятно, все северные комитетчики. Недели две тому назад поехал во Владимир и на Юг, но должен бы вернуться, вероятнее всего, в Кострому.

Новицкая, Екатерина Николаевна, служит в Статистическом Бюро; седая, стриженая, уже привлекалась. Без строго определенных убеждений, революционная пособница. Квартира ее давно служит местом свиданий для Варенцовой и других ярославских деятелей. У нее гостил Кардашев. Ночевали «Фотограф» (Рутковский) и Александр, а также был представитель «Искры» Владимир Михайлович (Бронер). По пути за границу к ней хочет завернуть Александр Петрович (Доливо-Добровольский), чем возмущена Варенцова, которая находит это крайне неосторожным, ибо его в Ярославле все знают. Новицкая знакома с Дюбюк (к нему явка через нее), Лактиным, Дидрикиль, Александровой, Загайновой Анной, Панкратовым (говорит, что, вероятно, уедет на Пасху к родным

в Рязань,—с Багаевым), видела и детей его. Новицкая устроила ему ночевку у Трегубова. Носила письмо с извещением об обысках в Костроме Воробьеву. Все новинки нелегальной литературы читает, но у себя ничего такого не держит. Рассказывала по поводу убийства министра Сипягина, что, по сведениям из Москвы, там знали уже заранее об этом злоумышлении, при чем в будущем такая же участь ожидает еще министра Муравьева и генерала Бобрикова.

«Владимир Михайлович», шустрый, бойкий на язык еврей, форменный революционер. Прибыл 2-го апреля в Ярославль утренним поездом (во втором классе) из Москвы, оставил чемодан, под двойными стенками которого скрыта была литература, на хранение в вокзале и поехал в редакцию «Северного Края», где свиделся с Марией Дидрикиль, побывал у Петровых и в 5-м часу явился к Новицкой, где его ждала уже Варенцова, с которой познакомился по паролю «самовар-огурец» и отрекомендовался представителем редакции «Искры». Дал ей отчеты с'езда, с которого он приехал, писанные, повидимому, им самим, карандашом, с синей копией. По его словам, «Бродяга», бывший у «американцев» в Воронеже, на с'езде не присутствовал. Петербургский Комитет, созвавший с'езд, «смошенничал», послав приглашения искровским группам таким образом, что их представители не смогли попасть на заседание, благодаря чему из них на с'езде были только нижегородец, недождавшийся окончания прений и уехавший 24-го, да «Владимир Михайлович», как делегат русской организации «Искры». Зато он отнял своими речами половину времени и добился того, что совещания были признаны только конференцией. Другими участниками с'езда были представители Петербургского Комитета (очевидно, Шендер Мееров Зельдовой, наблюдаемый в С.-Петербурге), Заграничного союза русских социал-демократов, Заграничного Комитета Бунда, Центрального Комитета Бунда, Южного Союза (Иосиф Коган упрямый человек, которого В. М. довел до бешенства) и Екатеринославского Комитета (суб'ект мало интеллигентный), Заграничная лига русской революционной социал-демократии на с'езд приглашена не была. Попытка конституирования с'езда (5 редакций) большинства не получила и соглашение последовало лишь на том, что сформировалась комиссия для организации грядущим летом за границей действительного общепартийного с'езда, хотя рабочедельцы высказывали опасение, что там делегаты из России могут подпасть под влияние «теоретиков». Принята была редакция предложенного «Искрой» майского общепартийного воззвания с поправками: «Ко всем рабочим России» вместо «Ко всем русским рабочим» и добавления об угнетенности еврейской массы (внесено бундистами о том, что рабочие не только поддерживали студентов в их протесте, но и выступили с таковыми са-

мостоятельно). Воззвание должно носить подписи организаций, участвовавших в конференции, и имеет быть издано в количестве 100.000 экземпляров, из коих до 10.000 просит Северный Союз. Распространение их признано желательным до 12 апреля. Проект этого воззвания (без поправок) был послан заранее на одобрение Костромскому Комитету, который, однако, ничего не ответил. (Впоследствии принял его). В Москве «Владимир Михайлович» видел комитетчиков, из коих один—молодой симпатичен, другой старик, мямля, корчит из себя большого умника, чего на самом деле нет, а третий—безразличен; все они искровцы, но высказались против проекта воззвания, так как в выработке его не участвовали и даже на с'езд приглашений не имели. «Владимир Михайлович» доказывал им, что именно в данный момент желательно выпустить листок за коллективной подписью, чтобы попугать правительство хотя призраком партийного единения; они жаловались на неаккуратную доставку литературы, а «Владимир Михайлович» упрекал их, что они только вопят «присылайте», а привезешь—поместить некуда, на вокзале же держать нельзя (ему казалось, что его конспиративный чемодан, бывший на хранении в Москве на одном из вокзалов, пытались осмотреть, так как ручки были оторваны, а замок исковырян, чего он «не замечал ранее, хотя он лежал у него уже в десяти местах»), с собой «Владимир Михайлович» возил несколько искровских новинок («Что делать?»—20 экз.), которые оставлял в попутных городах (часть оставил в Ярославле Варенцовой). Будучи в Воронеже, он через Мартынову, которую считает «буржуйкой» (смеется над тем, что она считает причиной раздоров Плеханова и просит его устранить от дел), добрался до «американцев», видел Ивана Алексеевича (Любимова) и Кардашева, оставил № 17 «Искры» и брошюру «Что делать», а ночевал в гостинице, где его, кажется, прописали. Просил Варенцову дать ему прочитать № 18 «Искры», который она получила из Москвы и с которым он, находясь с месяц в раз'ездах, еще не ознакомился. Он видел только оригинал картинки, приложенной к этому нумеру. «Владимир Михайлович» говорил про «фотографа» (Рутковского), который имел доставить в Ярославль литературу, и про транспорт, который лежит или лежал в Воронеже неполученным. По словам «В. М.», через Киев должны были проехать «три знатных иностранца», спрашивал, не там ли Теплицкий, рассказывал про Кузнецову, от которой он получал картинные письма, но плохие корреспонденции; он ей писал, что она скоро «влетит»; Кузнецова, действительно, поссорившись с генералами, подняла «Рабочее Знамя» и скоро кончилась. «В. М.» возмущен тем, что везде и за границей слишком много говорят о том, как хорошо сидеть в киевской тюрьме: там читают нелегальные издания, а в одно время Комитет оттуда руководил стачкой. Он боится, что, бла-

годаря излишней огласке таких порядков, правительство спохватится и изменит режим тюремного заключения в Киеве. Про Владимира Александровича (Носкова) «Владимир Михайлович» сообщил, что он прекрасно себя чувствует: «что ни шаг, то наука»; он принят в святое святых «Искры», куда доступ имеют немногие избранные: редакционная коллегия газеты законспирирована; благодаря этому чувствуется недостаток в писательских силах; но с другой стороны, эта изолированность хороша тем, что приезжие паломники не мешают работать. «Искра» должна стать солидным органом и таким образом об'единить фракции. Ее малозамечаемый недостаток—отсутствие экономических статей, причиной чего является то, что русские корреспонденты ее не присылают необходимых документов, желательно иметь отчеты земских собраний, с'ездов (мукомолов, горнозаводчиков и проч.), вырезки из газет о всяких событиях и пр. С этою целью «Владимир Михайлович» хотел поговорить с Дмитрием Ивановичем Шаховским, но он оказался выехавшим в Москву; жалел, что за недостачей времени не может повидать судебного следователя, фабричного инспектора и мирового судью, к которым давала рекомендации Варенцова и которых он «взвинтил бы». Говорил, что надо бы освободить Богдана, пока его таскают по провинциальным тюрьмам и не знают, что за «птица» (Богдан уже три раза привлекался и едва ли назвал свою фамилию, он задержан, кажется, в Орехове-Зуеве, где после ареста 80-ти рабочих движение застыло). «Владимир Михайлович», узнавши, что в Ив.-Вознесенске подозревают в шпионстве рабочего Семенюхина, обвиняемого в провокаторстве Гаврила Петровича (Панина), и что этот рабочий, будучи освобожден из-под стражи, из Ярославля прямо поехал в Иваново, удивился, так как на основании чьего-то сообщения «Искра» в последнем номере поместила известие о побеге Семенюхина из Архангельска; это одна из революционных легенд—сделал заключение искрист. Рассказывал «Владимир Михайлович» еще про то, как в Москве заводчик Гужон жаловался на Охранное Отделение, и что по этому поводу министр Витте будто бы составил записку, копию которой «В. М.» обещали скоро достать (о необходимости дарования рабочим права на стачку и собрания). «Владимир Михайлович» признает, что рабочее движение на Севере еще только возникает. По поводу программы Северного Союза говорит, что в ней много общих мест, допускающих толкование; по поводу ее везли из-за границы критику в 80 страниц и такое же почти письмо, но и то и другое «провалились». Выразил недоумение, почему хочет скрыться за границу Александр Петрович (Добровольский), которого ожидает незначительное взыскание; полагает, однако, что для каждого русского полезно хотя бы полгодика побывать за границей и «поучиться», тем более, что пробраться туда никакого труда не

составляет—эмигрантов перевозят сотнями. Очень рад, что нижегородцы отказались от издания собственного органа. Настаивал, чтобы Ярославский и Костромской Комитеты издали до мая присланный им листок о политической свободе. «Владимир Михайлович» бывал в Петербурге, видел № 14 «Рабочей Мысли», печатающийся в собственной типографии. Он думает, что Алларт, стреляя в генерала Трепова, имела в виду, главным образом, былые лавры Засулич. Про заграничную группу «Свобода» «Владимир Михайлович» говорил, что она приканчивает свое существование, державшись на одном человеке—талантливом публицисте, но не более влиятельном, чем Шарапов в легальной прессе (очень верная характеристика; это разыскиваемый циркул. 12 марта 1901 за № 814 мещанин Евгений Иосифович Зеленский). По просьбе «Вл. Мих.» Мария Августовна (Дидрикиль) купила ему новый чемодан. 2-го же числа он в 10 час. вечера, во время прихода поезда, взял вещи свои с вокзала и поехал к статистику Петрову, живущему с женой на углу Борисовской и Глуховской улиц (во втором этаже, где и остался ночевать. Утром он должен был написать несколько конспиративных писем (химия у него имелась) и переложить нелегальщину из попорченного чемодана, который он оставил, советуя поправить его. 3-го числа он к 12 часам дня должен был явиться к Новицкой, к которой Варенцова обещала привести Дюбюка, но еще утром некая барынька (жена Петрова) заметила близ редакции «Северного Края» (шпиков), о чем предупредила «В. М.», и он остался дома, а условное свидание имел только в 4-м часу дня и вечером 3-го он выбыл из Ярославля на Москву, с тем, чтобы приехать туда утром и затем продолжать путь на Самару. В Москве на Ярославском вокзале, по приходе поезда, 4-го числа он был арестован, назвавшись врачом Бронером.

Богданов, Николай Павлович, бывший студент Лесного Института. Живет в Костроме, на Мещанской улице (она же Московская), в доме Песочинского подворья, в кв. родителей (отец и брат—интендантские чиновники). Очень подвижной, нервный молодой человек, социал-демократ (до мозга костей), с рабочедельческими тенденциями. Деятельный член Костромского Комитета, знает местное рабочее движение с самого возникновения его. Как местный уроженец, имеет обширные и разнообразные знакомства, которые утилизирует в своих видах (поручает сбор денег, хранение нелегальщины, писание оригиналов для гектографирования). Автор большинства комитетских воззваний и, вероятно, брошюры «Как держать себя на допросах и в тюрьме», экземпляры которой хранит у себя на квартире где-то около печки (образец послан в Нюренберг по адресу Гертеля). Писал корреспонденции в «Искру» по Ярославлю, Казани, Юрьеву (о демонстрации), Москве—о голодовках, получая сведения от знакомых студентов. Послал в ре-

дакцию «Рабочего Дела» очерк рабочего движения в Костроме. Пользуясь знакомством с одним чиновником местного губернатора, добыл копию секретного отношения департамента полиции касательно высылки из Петербурга за мартовские беспорядки прошлого года Филиппова и других, которая затем и была опубликована в различных местах. Надеется получить вскоре тем же путем копию циркуляра о том, чтобы не давали высланным и поднадзорным студентам занятий. Знает нелегального «Александра» с декабря, но не разделяет его восхищения рабочим Кулаковым (кажется, из Петербурга). Говорит, что типография Союза, на которую и Костромской Комитет затратил деньги, лежит зарытой у одного домовладельца (домик маленький, в три окна, со светелкой; доставил ее из Иваново-Вознесенска «Ярославец»). На заседаниях Комитета (раз в неделю), происходящих чаще всего у Александровой, как статистички, к нему пристают особенно Александров, чтобы и он занялся пропагандой среди рабочих, на что из предосторожности он не соглашается. Недоволен составом Комитета, ибо в нем трое поднадзорных, а единственный «чистый» (попал даже в число статистиков, допущенных к работам в уездах) неспособен к кружковым занятиям. Мастерски пишет трафаретки для гектографа. Знаком с Загайновым и с рабочим Кирсановым (из кружка Сабунаевцев); видывал Николая Музиля, которого считает слишком горячим человеком. Привлечен в Петербурге, но рассчитывает дешево отделаться, так как на дознании много успешно свалил на покойника Сафронова и выдуманного Михаила Михайловича, благодаря чему удалось ему выгородить некую Брыкалову (?) и Лепницкого. Виновником своего провала в Петербурге считает шпиона Максима Андронова, который принимал у себя охранного чиновника Квицинского и чуть-чуть не сделался представителем Нарвского района. Богданов до сего времени хранит, как приятное воспоминание о полицейской халатности, картуз на белой картонной подкладке, на околыше коего и теперь еще цела зашифровка адреса. История его с Андроновым подробно описана в № 9 «Искры» одним из товарищей Богданова... Последний, однако, в корреспонденции не назван. В ноябре виделся у Александровой с делегатом «Рабочего Дела» Михелем, который пробыл в Костроме 3 часа, прочитал брошюру «2 с'езда», нападая на «Искру. В декабре получил для Комитета транспорт литературы. Позднее виделся с Николаем Николаевым Кардашевым, который привез несколько номеров «Искры». Читал с увлечением №№ 2—3 «Зари», имевшей печать Московского Комитета Российской Социал-Демократической Партии. Из рабочих одобряет очень ткачиху, окончившую курс начального училища, у которой происходят собрания (Гусева), отец которой, извозчик, тоже был под арестом по политическому делу. Всей душой ненавидит полковника Кемпе

и злорадствует по тому поводу, что жандармы «арестуют» непричастных лиц и превращают их, благодаря этой несправедливости, в сочувствующих революционному делу. Секретную переписку получает на Сперанскую, хвалит этот адрес, но говорит, что получение задерживается на день—два. Сотрудничает в «Северном Крае», получая гонорар через местного агента газеты. Читал № 12 «Рабочей Мысли», внешность ее находит прекрасной, а содержание бедным. Ольга Ларионова (Варенцова) бывает в Костроме, посещает его почти исключительно. Богданов читал манифест студенческого с'езда, который, как он думает, происходил в Петербурге. По его словам, документ этот вовсе не характеризует действительного направления большинства студенчества, о котором Богданов не очень высокого мнения. Секретную переписку он ведет шифром химическим способом (азотно-кислым свинцом) с проявлением на огне или нашатырем (последний способ признан неудобным). Он имеет знакомого в Вологде, быв. студента Петрашкевича. Рекомендует, как дельного человека, бывшего лесника Суеварова, местожительства коего, впрочем, теперь не знает. Обвиняет в легализаторском стремлении когда-то пользовавшегося в Петербурге огромной популярностью рабочего Буянова, который ныне в Костроме завел собственную мастерскую. По поводу провала в Петербурге рабоче-знаменцев (Савинова, Татарова и др.) Богданов говорит, что виновником тому был литератор Михаил Иванов Гурович, имеющий богатую жену. Это подозрение основано на том, что Гурович в то время, когда высылали, оставался в Петербурге, об'ясняя подкупом полиции. Часто также бывало, что его видели в Петербурге тогда, когда он сказывался выехавшим в Москву и другие города. Кроме того одному судебному следователю в Нижнем-Новгороде командированный из Петербурга на ярмарку пристав рассказывал, что иногда приходится обыскивать свое начальство: вот, например, в Петербурге мне пришлось обыскивать Гуровича, который служил в департаменте полиции. Вопрос о провокаторстве Гуровича остался пока нерешенным и пропечатать его шпионом в нелегальной прессе пока не решаются.

Александрова, Мария Сергеевна, урожденная Веселова, занимается в Статистическом Бюро Губернского Земства, имеет свою квартиру в доме Громова, по Рукавичниковой улице, где у нее проживает Софья Константиновна Загайнова и—должно быть, временно—сестра ее Анна Константиновна Загайнова, собиравшаяся уехать в Вологду. Перед 19-м февраля Александрова и Загайновы сидели трое суток до 3-х часов ночи, изготовляя комитетские листки. В ночь с 5-го на 6-е апреля они были заняты гектографированием майских воззваний, а следующий день они посвятили уборке всего нелегального ввиду обысков, произведенных у статистиков Попова и других (по этому поводу Анна Загайнова бегала за

справками и с предупреждениями). Днем Мария Александрова, переодевшись в серую кофту и жакетку Загайновой, нарядившись в черный платок, вместо шапки, отправилась в фабричную слободку на занятия с рабочими, откуда вернулась с комитетчиком, которого называла «статистиком великим», восхищенная своими чумазыми собеседниками. У Александровой ночевал как-то Кардашев. Они интересуются судьбой Прасковьи Лалаянц, живущей в Воронеже; Гурского, арестованного в Киеве, и Чуйкова—екатеринославского соц.-демократа. Александрова жила три недели в Москве, ожидая получения заказанных ею на юге типографического станка и шрифта, на которые она затратила союзнические деньги. Ее сильно поднадули, более чем на сто рублей ей дали только два пуда старого шрифта (того, которым печатан № 7 «Южного Рабочего») и 29 или 39 фунтов нового, и печатню, которая хранится теперь в Костроме. Станок размером в один аршин, рама деревянная (другую,кажется металлическую сделали на месте). Печатать можно в формате листа писчей бумаги. Недостает кремольер и резиновых накладок с боков, под колесиком, для бесшумности работы. Думали оттиснуть хоть что-нибудь, но нет людей, хотя мало-мальски знакомых с печатным делом. Центральный Комитет только еще собирается поставить специалистов, он даже литературы костромичам не присылает, и Александрова хочет поэтому выписать ее через Москву, хотя в этом случае она обойдется дороже, по 3 рубля за фунт. Она заказала 4 паспорта за границей—2 мужских и 2 женских. Печати для Комитетов должен был доставить Союзу Таланов, но он арестован, и теперь Александрова написала в Киев, чтобы справились у него в тюрьме, забраны печати или нет. Конспиративную переписку Александрова получает по адресу «Соборный дом, Анне Алексеевне Копосовой», по нему можно также отправлять и посылки с нелегальщиной; она им очень дорожит. Кой-какие бумажки она хранит в полом постаменте рабочей лампы. Вообще Александрова считает себя «чистой», за ней есть только история с Пушкинской читальней, да у Попова взяли книги (Беренштейн) с ее собственноручной надписью. Это ее несколько беспокоит, потому что некоторые адреса на конвертах, в которых рассылались прокламации к офицерам, писаны ею. На случай ареста для продолжения связей Александрова указывает, по ее мнению, «чистого» еще комитетчика Александра Павлова Заварина, живущего в собственном доме (маленький, обит тесом, с мезонинчиком, на улице, идущей от земской больницы, дом второй, подле Мясницкого переулка, с левой стороны). Паролем явки к нему будет вероятно: «Иван», ответ «Алексей». Александрова должна выслать во Владимир в переплетах книг по адресу секретаря Губернской Земской Управы (для передачи) образцы изданий Костромского Комитета. Александрова наводит справки

по Киеву еще «о благонадежности некоего Тианцева, поселившегося недавно в Костроме и готового примкнуть к ее кружку.

Любимов, Алексей Иванов, бывший студент. Жил в Воронеже, в доме 41 по Средней Московской улице. Помимо сношений с деятелями Северного Союза и центральн. искровцами («Бродяга», «Аркадий», «Рябов» в Самаре, «Владимир Михайлович») он знаком с Александром Александровичем Квятковским, который недавно был в Воронеже и говорил, что, едучи из Одессы, он посетил явочные места «Южного Рабочего» и «везде нашел пустоту», так как многие из деятелей этой группы арестованы. Про Семена Михайлова Мальчинского Любимов говорит, что он отправился за границу легально (?) и должен заехать в Вену. По словам Любимова, в Воронеже возбуждает сомнение земский врач Годынский-Цвирко, вошедший в местный кружок. Он будто бы участвовал в общепартийном с'езде 1898 года. Из Киева о нем дали, однако, благоприятные сведения. Любимов интересуется вопросом, где находится Крыжановский (женатый), повидимому, крупный революционный работник. Про историю с Бауманом он знает лишь, что «Грач», представитель Московской группы «Искры», в Воронеже не был, а искал какое-то имение в Задонском уезде, заблудился, остановился ночевать у знакомого земского врача, а тот его выдал. После этого в Самаре получили неизвестно кем писанную карандашом записку о том, что «Грача» вернули с пути в Вятку и везут будто бы в Москву. Любимов знаком со всей новейшей социалистической литературой; он очень экспансивен, поклонник полемического задора искровских писателей. О с'езде (в Белостоке) он знал и ожидал 30-го марта возвращения к себе «Бродяги» со сведениями по этому делу; Кардашев и Носков, скрывшиеся за границу,—ближайшие его друзья, во все революционные тайны коих он посвящен.

Кардашев, Николай Николаевич, бывший студент; жил в Воронеже, в доме Махновец, по Мясной улице. Женат, трое детей, довольно вялый, задумывающийся господин. Один из организаторов Северного Союза, который он снабжал и людьми и средствами, как это видно из предыдущих сведений.

Совершенно секретно.

Агентурные сведения.

По дознанию о «Северном Союзе».

Багаев, Михаил Александрович, уроженец г. Иваново-Вознесенска, женат, четверо маленьких детей. Живет без прописки с семьей в гор. Владимире по Гончарной улице, в доме Зверьковой (занимает маленькую отдельную квартирку). Брюнет, шаршавый, похож на еврея, левый глаз косит, выговаривает на «о». Привлекался в Петербурге, где его «пытал»

Секеринский, был в ссылке в Оренбурге; работал в Харькове; был задержан раз, когда являлся за паспортом в Иваново-Вознесенске; виделся в Нижнем-Новгороде осенью прошлого года с делегатом «Рабочего Дела», находился в Самаре, когда статистики устроили вечеринку в честь Лаговского; виделся в Воронеже с Николаем Кардашевым и Алексеем Любимовым, который ему особенно люб, и месяца четыре назад поселился во Владимире. Все окружающие названный город фабрично-заводские центры Багаев знает досконально, до мелочей, знаком с местным социал-демократическим движением, с большинством деятелей коего в интеллигентной и рабочей среде имеет тесные связи. С удовольствием вспоминает Кирюшу Отрокова (в ссылке), Ивана Махова (в Сибири); вообще гордится «ивановцами». Знаком хорошо с Александром Доливо-Добровольским, накануне ареста коего удрал из Ярославля, где знал местное светило—Владимира Носкова. В Керчи повздорил из-за кружковых авторитетов с молодым Коганом, братом инженера «Осипа Аркадьевича»: последний, вследствие этого стал даже хуже относиться к нему. По словам Багаева, Иосиф Коган—ярый рабочеделец, которого в Харькове все побаиваются, и конспиратор, каких только надо желать. Багаев считает себя только районным представителем Северного Союза, но признает, что фактически он является и членом Центрального Комитета. Нелегальный «Александр» у него был по пути на юг, откуда он должен вернуться с людьми для типографии и проедет, наверное, в Кострому, так как в Ярославле он провалился, а в Иваново-Вознесенск не хочет. Багаев знает про себя, что его разыскивают, но не об'является, ибо тогда надзор помешает ему «работать». Во Владимир он приехал с рекомендациями от нижегородского статистика Ивана Павловича Ладыжина, очень серьезного, энергичного, но крайне осторожного рабочедельца, который за последнее время поддался, впрочем, тяготению к «Искре», которое преобладает теперь в Волжском Союзе, к которому, кроме Н.-Новгорода, примыкают еще Казань, Самара, и, кажется, Саратов (Ладыжин уже скрылся за границу, но, узнав что произведенный обыск не имел серьезного значения, вернулся и был привлечен за бесписьменность). Когда возник вопрос о том, кто мог ездить представителем от нижегородцев на недавний партийный с'езд, то Багаев, потолковавший с женой (сильно революционизирована и посвящена во все конспирации мужа), решил, что это был не Ладыжин, а другой, который действительно дольше 24-го, по домашним обстоятельствам, оставаться на заседаниях не мог. Багаев удивляется, почему выбрали именно этого господина, тем более, что он хотя и «делята», но весьма не речист. Благодаря секретарю Владимирской Губернской Земской Управы (бывший студент Юрьевского университета) Александру Саввину Панкратову (работал по статистике в Нижнем-Новгороде,

имел соответствующее письмо от Ладыжина) Багаев получил негласно заработок в почвоведном отделе и в то же время принялся обрабатывать окружающую публику, давая желающим на прочтение (за плату) новинку нелегальной литературы (например, члену суда Черносвитову № 3—4 «Зари») или просто облагая данью сочувствующих; для последних он, желая окончательно их «расшевелить», на одном из собраний прочитал реферат «О роли интеллигенции в освободительных движениях». Хотя своей угловатостью и неряшливостью у либеральных дам Багаев и вызывает неприязненное чувство, но многие любят его за искренность и непосредственность. Из таких знакомых у него есть семейство Губских, земец Черный и другие. Более близкие и деловые сношения Багаев поддерживает с каким-то смотрителем местного технического железнодорожного училища, с которым они наметили из числа оканчивающих курс учеников пять или шесть человек, достаточно «подготовленных» на легальной прессе и в будущем могущих оказать услуги целям пропаганды. Один из таких молодых людей поступает на службу в гор. Ковров, где при его содействии предполагается распространить майские воззвания. Майские листки Багаев имеет возможность разбросать через своих людей на заводах «Гусь», в Орехово-Зуеве (где столп либерализма Бальмонт), Кохме, Шуе; Багаев надеется, что соответствующее количество (более 3.000) прокламаций будет ему доставлено из Ярославля. Он корреспондирует в «Искру», писал, например, о замерзшем рабочем в заводском арестном помещении, о циркуляре по этому поводу бывшего губернатора Цеймерна; послал копию письма из Петербурга рядового лейбгвардейца по поводу избиения студентов в Народном Доме. Недавно Багаеву привез какой-то человек транспорт, заключающий в себе 200 экземпляров: № 12 «Искры», 20 оттисков «Борьба с голодающими», 7 книг № 2—3 «Зари», 5—«Свободы», десятка два брошюр «Надгробное слово» и «Профессиональные Союзы». На всех этих изданиях имеется печать Киевского Комитета Российской Соц.-Дем. Раб. Партии; доставитель счета не пред'явил, но сказал, что ему велели получить 80 рублей. Багаев недоволен составом транспорта, так как 12-го номера слишком много, а в то же время он не имеет «Искры» №№ 7, 8, 9, 15, 16, 17 и 18, и брошюр «За сто лет» и «Самодержавие и Земство», за каждую из коих есть охотники дать по 10-ти рублей. Нелегальную литературу Багаев хранит, повидимому, дома, 3 книжки «Зари» и брошюру Шипеля он дал своей приятельнице Ольге Варенцовой, которая 10 приехала из Ярославля, ночевала у Панкратова, день 11-го провела с Багаевым, а вечером выехала восвояси, имея намерение в Иванове повидать кого-то. Будучи у Багаева, Варенцова поведала, что ярославский комитет до Пасхи воззваний изготовить не успеет и поэтому разбросает их около 22—23 апреля. Сейчас гекто-

графируются (между прочим одним студентом в имении, верстах в 15-ти от Ярославля) листки майский и корзинкинский специально (по личным воспоминаниям о побоище—Владимира Александровича Носкова). С Иваново-Вознесенском Варенцова не знает, как и быть: связи с рабочими уцелели лишь у нее, а везти самой туда листки ей невозможно. Общепартийные воззвания во Владимирский район она обещается доставить, если не обманет «Владимир Михайлович» («Бронер», арестован). Варенцова продиктовала Багаеву список рабочих, которые сидят в ярославской тюрьме и коим он должен был передать пособие. Багаев, побывавший у кого-то, заявил, что рабочих почти всех перевели уже, в том числе и «Богдана» Бабушкина (нелегального), а вновь поместили московских студентов Нербекова и Преображенского, да 30 мест готовят для ивановцев. Вспоминали Варенцова и Багаев, как замечательно хороших рабочих, некоих Лепнова и Мокруева (Иван Петров), находящихся в Саратове. Варенцова написала для Багаева на немецком языке новый заграничный адрес: Нюренберг, Венценштрассе 1219, Вильгельму Гертель, который относится к Носкову. По подсчету Варенцовой и Багаева, доход Северного Союза за время его деятельности достиг около 3.000; траты в неменьшей сумме, в кассе мало; крупный расход вызывает поддержка колонизированных работников (нелегальные «Александр», «Николай Антонович», «Гавриил Петрович») и помощь арестованным. Во Владимире Варенцова виделась с занимающейся в городской библиотеке Марией Ивановой Крамаревской. Для конспиративных сношений и посылок Варенцова указала адрес: «Москва, Кудрино, Торговая школа, учитель Василий Иванович Ананьин, Мария Ивановна Ананьина», а для справок о себе по Ярославлю, как наиболее безопасное место: «Тверцы, дом Штанкова, Кондратьева» (сестра Варенцовой, уже подвергалась обыскам). Варенцова вечером 11-го уехала, предупредивши, что Евгений Федорович Дюбюк должен бы уже приехать во Владимир к своей матери (дом Бузина, против женской гимназии, по Большой улице).

12-го Панкратов действительно разыскал Дюбюка и привел его к Багаеву, с которым и познакомил его. Дюбюк—сосредоточенный, длинноволосый молодой человек; говорит гладко, не совсем охотно; мать его «генеральша»; он служит в Ярославском статистическом бюро, жена его недавно ездила в Москву для свидания с братом, студентом университета, отправленным ныне за беспорядки в келецкую тюрьму. Дюбюк знаком с Александром Эдуардовым Редер, подвергавшимся уже арестам, которого считает очень серьезным человеком; он знает и петербургского рабочезнаменца, технолога Лурия. Дюбюк ко времени распространения листков обязательно вернется в Ярославль. Багаев говорит, что Лактин был подослан социалистами-революционерами, но сторонников в Ярославле не

нашел и примкнул к Комитету, для которого добывает денежные средства. Услугами Владимира Михайловича Трегубова в Ярославле Багаев тоже пользовался (между прочим, занял у него 10 рублей, когда бежал из названного города). Разговор Дюбюка и Багаева носил общий, так сказать, характер и ограничился почти обычными рассказами разных революционных былей-небылиц, одна из коих, впрочем, представляет интерес. Багаев припомнил, что, кажется, в мае 1899 года он ехал из Москвы на Харьков с товарищем, который завел разговор, во время которого собеседник указал на третьего лежавшего спутника, советуя не слишком распространяться, на что Багаев заметил: «Он спит»; однако, неизвестный, открыв глаза, заявил, что он все слышал и пояснил, что он сам работает в типографии у Черткова в Лондоне и что его брат арестован с типографией в Белостоке (несомненно, это был Мовша-Лурия), а в конце концов дал два адреса для выписки из-за границы нелегальных изданий. Багаев говорит, что в экономисты перешел бывший товарищ его и Варенцовой, некто Кондратьев, ныне архитектор, живущий в Харькове. Дюбюк слышал, что студент Демидовского лицея Оршаница выдавал. То же самое говорят про некоего Леонова, известного в Перми, Вятке и Ярославле. Багаев рассказывал про какое-то сочинение ссыльного Махайского, наделавшее много шума своим полуанархическим содержанием и создавшее целую группу «махаевщины».

Панкратов, Александр Саввин, секретарь Владимирской Губернской Земской Управы, живет с женой мещанского типа, занятой, главным образом, хозяйством, в доме Декаполитова по Безымянному пер. (на-днях переедет поближе к Управе). Молодой, высокой интеллигентности человек, со склонностью к кабинетным занятиям; радикал, готов пособничать революционерам. Предоставил Багаеву заработок. Знаком с Екатериной Новицкой, Ольгой Варенцовой, Иваном Ладыжиным, Евгением Дюбюк и Дивильковским, занимавшимся года два тому назад в Киеве крупной нелегальной деятельностью. Корреспондирует в «Русские Ведомости». Мечтает руководить «Владимирской Газетой», разрешение на издательство коей, под фирмой присяжного поверенного Левицкого, человека вполне благонадежного, ожидается вскоре. Рассчитывает быть секретарем этой газеты; кассиршей, заведующим отделением редакции в Иванове поставить «своих» людей. Этот подбор, пользуясь своим положением и связями, Панкратов старается сделать и в составе земских служащих. Имея под рукой разнообразные материалы, он о своих недочетах в административно-бытовой сфере осведомляет Багаева, давая ему таким образом возможность пикантные факты передавать в заграничную нелегальную прессу. Охотно знакомится с новинками революционной литературы. Передает идущую на его

адрес для Багаева конспиративную переписку (недавно получил из Нюренберга от Носкова письмо, через надорванный уголок конверта коего видели почему-то проявившийся, хотя и слабо, химический текст корреспонденции). Просит подобрать «подходящих» людей на роли офеней, для разноски по фабричным местностям книжек из склада, что проектируется земством и на что ожидается разрешение правительства. При отсутствии таких агитаторов, каким является Багаев, Панкратов особо вредным в политическом отношении едва ли будет[1]).

---

[1]) Агентурные сведения, несомненно, принадлежат Ивану Алексеевичу (Меньщикову). В общем и целом они правильны. Разумеется, уклонения от истины есть, но они существенного значения для выяснения дела не имеют; то, что он сам непосредственно видел и слышал, передано точно. Искажения относятся к фактам, о которых ему передавали другие, и что ему удалось выведать (например, на ночевках, где он вел беседы с хозяевами квартир). Беседа с Бронером передана с исчерпывающей полнотой. Относительно меня дал не совсем верные показания: 1) В Перми я никогда не была, лекций Аптекмана не слушала, знала последнего по Уфе. 2) С Иваном Алексеевичем Прозоровским виделась только один раз и ни в какие прения с ним не вступала. Мартыновых не посещала. С Брешковской виделась только один раз у Махновцев. Но это непосредственного отношения к делу не имело. *О. В.*

ОГЛАВЛЕНИЕ.

70 коп.

